

Материалы II окружных

Сопаревских
«ЧТЕНИЙ»

Департамент культуры и искусства
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Учреждение Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Государственная библиотека Югры»

**Материалы II окружных
«Лопаревских чтений»**

Ханты-Мансийск, 22 апреля 2009 года

Ханты-Мансийск
Полиграфист
2010

ББК 63.3(2Рос-6Хан)

М 34

Составитель Г. Я. Фетисова

Редакторы: В. К. Белобородов, А. В. Пуртова,
Л. И. Яркова

Ответственная за выпуск О. А. Кривошеева

М 34 **Материалы II окружных «Лопаревских чтений», Ханты-Мансийск, 22 апреля 2009 г. / Департамент культуры и искусства Ханты-Манс. авт. окр. – Югры, Гос. б-ка Югры; [сост. Г. Я. Фетисова]. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2010. – 120 с.**

В сборник включены выступления участников региональных краеведческих чтений, посвященных памяти выходца из с. Самарово (ныне г. Ханты-Мансийск) Хрисанфа Мефодьевича Лопарева (1862–1918 гг.) – историка, сотрудника Императорской публичной библиотеки г. Санкт-Петербурга (ныне – Российская национальная библиотека), краеведа, автора первого исследования, посвященного истории с. Самарово.

ISBN 978-5-89846-900-9

© Государственная библиотека Югры, издание, 2010

© Оформление. ОАО «Полиграфист», 2010

От составителя

Лопаревские чтения, организатором которых является Государственная библиотека Югры, впервые прошли в Ханты-Мансийске 19 ноября 2007 года, вторые чтения состоялись 22 апреля 2009 года.

Посвящены они Хрисанфу Мефодьевичу Лопареву (1862–1918 гг.), выходцу из села Самарово (ныне г. Ханты-Мансийск), историку, сотруднику Публичной библиотеки (ныне – Российская Национальная библиотека) г. Санкт-Петербурга, автору первого исследования, посвященного истории с. Самарово.

Итогом первых и вторых «Лопаревских чтений» явилось издание докладов, прозвучавших на чтениях.

Материалы чтений расположены по трем тематическим блокам:

- исследования и архивные документы о Хрисанфе Лопареве и селе Самарово;
- история Югры в фактах, лицах и датах;
- краеведческая работа в библиотеках и музеях округа.

Участниками мероприятия были выявлены и введены в оборот новые документы и исторические сведения об ученом Х.М. Лопареве и его семье, новая информация по истории села Самарово, его жителей, был обобщен опыт современной краеведческой деятельности и сделан анализ краеведческого книгоиздания в округе.

Участниками мероприятия были краеведы, историки, специалисты библиотек, музеев, архивов.

ХРИСАНФ ЛОПАРЕВ И СЕЛО САМАРОВО: ИССЛЕДОВАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ

Сказ о «скаске»...:

перепись населения Самаровского яма 1763 г.

*Завьялова Лидия Михайловна,
Струсь Владимир Филиппович*

Продолжая работать над летописью с. Зенково и окрестных деревень, мой соавтор Владимир Струсь обратился в Российский государственный архив древних актов с запросом о местонахождении первых трех ревизских сказок по селам, входящим в зенковский кустан. К сожалению, первые две сказки по Самаровскому яму в архиве не сохранились. Ну а далее все получилось, как в пословице: «Нет худа без добра!». Затянувшееся выполнение запроса сотрудниками РГАДА привело к мысли об изучении истории не только этих сел, но и населенных пунктов всего Самаровского ведомства. Копия третьей ревизской сказки по Самаровскому яму и селениям Самаровского ведомства Сибирской губернии в конце 2007 г., через два с половиной века, вернулась вновь в Самарово.

Ревизские сказки – документы именной переписи податного населения Российской империи – являются одним из главных источников для генеалогических исследований. Их возникновение непосредственно связано с реформой налогообложения, начатой в 1718 г., когда подворное налогообложение было заменено подушным, т.е. подати отныне стали взиматься с «души мужского пола». Осенью 1718 г. царским указом было велено собрать «скаска» о количестве душ в каждом населенном пункте. Слово «скаска» говорит само за себя – данные записывались со слов жителей. Ревизские сказки, оформленные в виде книги или тетради, содержат сведения, позволяющие судить о численности населения, его географическом размещении, социальном и половозрастном составе, национальном и семейном состоянии, миграции.

На протяжении XVIII – середины XIX вв. было проведено 10 ревизий (с 1718 по 1858 гг.), каждая из которых растягивалась на несколько лет.

- 1 – 1718–1727 гг.
- 2 – 1743–1747 гг.
- 3 – 1761–1767 гг.
- 4 – 1781–1782 гг.
- 5 – 1794–1795 гг.
- 6 – 1811 г.
- 7 – 1815 г.
- 8 – 1833 г.
- 9 – 1850 г.
- 10 – 1857–1858 гг.

1, 2 и 6 ревизии учитывали только «души мужского пола», остальные же – и мужского, и женского. Единицей переписи была так называемая «ревизская душа», сохранявшая свою актуальность как налогоплательщик вплоть до следующей ревизии, несмотря на возможное изменение социального статуса, забор в рекруты или смерть. Ревизия как процесс состояла из нескольких этапов, на каждом из которых возникали особые виды документов. Таким образом, ревизские сказки являются первичными материалами ревизии, сведения которых на следующих этапах обобщаются и структурируются, а также подвергаются дальнейшей обработке и тщательной проверке.

Государство стремилось максимально увеличить «количество душ», облагаемых налогом, а подлежащие учету слои населения были заинтересованы в обратном. Серьезные искажения могут содержаться в информации о численности населения, учитываемого только для счета (например, женского населения) и не обязанного платить налог. В учете данной категории населения никто не был заинтересован, поэтому иногда он проводился непоследовательно и небрежно. Тем не менее, ревизские сказки позволяют почерпнуть необходимую информацию для генеалогического исследования: имена, даты рождения и смерти, сведения о социальном статусе и семейном положении, а также ряд дополнительных сведений о предках.

По учету старосты Самаровского яма в селении было выявлено 317 ямщицких душ. Среди них значились Мухины, Ершовы, Безгладовы, Чукреевы, Занины, Змановские, Кузнецовы, Паромовы, Сумкины, Бебяковы, Серебрениковы, Горшковы, Хабаровы, Смолины, Кокшаровы, Спиридоновы, Конёвы, Лопаревы, Лыткины, Овчиннико-

вы, Скрипуновы, Погадаевы, Оленёвы, Челпановы, Кармановы, Хозяиновы, Пономаревы, Грешневы, Кайгородовы, Соскины, Карлины, Калинины, Кононовы, Шутовы, Корепановы, Шмонины, Беляевы, Шаламовы, Арефьевы, Суботины, Проскуряковы, Матвеевы, Тренины, Потаповы, Карандашевы, Пестряковы, Терентьевы, Милковы, Сырорыбовы, Власовы, Оноховские, Вандышевы, Игнатьевы, Сургутсковы, Росохины, Богатинкины, Романовы, Кривошапкины, Глуховы, Самсоновы, Дунины, Пачгановы, Кочины, Еголдаевы, Егишевы, Доудиновы.

Среди этих фамилий фигурирует и фамилия Лопаревых. Глава семейства, отмеченный в период проведения ревизской сказки 1747 г. *«Андрей Осиповъ сынъ Лопаревъ»*, упомянутый также в Подворной переписи жителей слободы Самаровского яма 1710 г. вместе со своей матерью Соломанидой и сестрой Марьей, до следующей переписи 1763 г. не дожил – умер в 1748 г. Из трех рожденных детей только Петр отметил свое 20-летие. Яков и Иван умерли в возрасте 13 и 2 лет. Безусловно, эта фамилия имеет прямое родственное отношение к Хрисанфу Мефодьевичу Лопареву, памяти которого и посвящены сегодняшние чтения. К сожалению, проследить цепочку родственных связей, ведущих к Лопареву, нам пока не представилось возможным.

Почти все ямщики, учтенные переписью, имели многочисленные семьи, нередко насчитывавшие до 10 душ. Редкие семьи имели состав семьи менее четырех человек. В жены самаровские ямщики обычно брали невест из родного яма – *«оного яму ямщицьа дочь»*. Но встречались и «привозные» невесты – ямщицьи дочери из Демьянского яма, *«казачьи и разночински дочери»* из городов Сургута и *«Тоболска»*.

Говоря о третьей ревизии душ, следует остановиться на времени, предшествующем этой переписи, – первой половине XVIII в. Исторические источники говорят о том, что только лишь после 1710 г. самаровские ямщики стали осваивать земли Самаровского ведомства. До этого же времени земли были населены исключительно остяками. Самаровскую слободу окружали неплодородные земли, и в поисках пашенных земель, начиная с 1679 г., самаровские ямщики покупали земли у остяков и занимались ее перепродажей другим ямщикам. Хрисанф Лопарев пишет: *«С XVII века обнаруживается любопытное явление сосредоточивания остяцких земель в руках русских ямщиков, яв-*

ление, оправдываемое законами истории, по которым народы нисшей культуры становятся в зависимость от соседних народов культуры высшей».

Согласно поступным, помещенным Х. Лопаревым в своем труде «Самарово», к 1731 г. в Самаровском ведомстве поселились своими домами Хозяиновы и Башмаковы, в Неулевой – Спиридоновы, Конёвы, Сумкины, Паромовы и Пачгановы, вниз по Оби – Корепановы, Скосыревы и Звягины. В связи с этим уже можно говорить об образовании к этому году русских населенных пунктов – деревень Тюли, Базьяны, Спирино, Конёво, Сумкино, Зенково, Сухоруково, Белогорье.

Уже в 1714–1716 гг., как отмечают авторы книги «Православие на Обь-Иртышском Севере», были основаны церкви в Троицком (Белогорском) и Сухоруковском погостах для новокрещенных остяков. Рядом с церковью Троицкого погоста возникла д. Прохорова, в которой к 1740 г. имелось три двора ямщиков, приписанных к Самаровскому яму. Три ямщицких двора, кроме жилищ церковных служителей, имелось и в погосте Сухоруковском. К 1740 г. здесь обосновались братья Иван и Алексей Корепановы, сыновья Леонтея Ильина Корепанова, ямщика Самаровского яма, со своими многочисленными семьями, которые и составляли большую часть населения деревни.

По указу императрицы Анны Иоанновны 1732 г. ямщики, поселившиеся среди ясашных остяков, должны были вернуться в Самарово *«на прежние их жилища»*. А было их 23 двора. Но благодаря хлопотам самих остяков, вопрос об «оставлении» самаровских ямщиков *«был решен в утвердительном смысле»*. Так, остяки Тарханской волости Цингалинских юрт дали письмо в защиту ямщиков Василия и Савелия Хозяиновых *«в подтверждение в том, что жить им Хозяиновым на той земле вечно с нами остяками вместе, понеже нам они никакого помешательства не чинят...»*.

В 1731 г. новокрещенные остяки, в числе которых был и Никифор Тюля, *«поступились отцовской землею»*. Вполне возможно, что своим названием д. Тюлинска, она же Ломполовская, обязана именно *«Никифору Яковлеву сыну Тюли»*. В 1742 г. в деревне проживало уже три поколения рода Хозяиновых. Старшим рода был Леонтей Иванов[ич], также бывший ямщик Самаровской слободы. По ревизской сказке 1812 г. в д. Тюлинской проживало 28 ямщиков, и все они имели фамилию Хозяиновы.

По результатам переписи душ 1763 г. в Самаровском ведомстве Сибирской губернии было выявлено 16 селений: Самаровский ям, Реполово, Тюлинска, Базьяново, Фролова, Аленёвая, Шапшина, Конёва, Спирина, Сумкина, Зенкова, Горшковая (будущее Селиярово), Скрыпуново, Белогорская, Елизаровская, Сухоруковская.

Общее число жителей этих деревень – 543 человека, что составляло почти половину численности ямщицких семей в Самаровском яме (как известно, в эту перепись вошли только ямщицкие семьи). Численность населения деревень колебалась от 8–11 до 70–119 человек. Во «*вновь поселенной деревне*» Аленёвой на момент переписи 1763 г. проживало 18 душ мужского и 11 душ женского пола.

Вверх по Неулевой протоке переселился в 1720 гг. из Самаровской слободы «*Терентей Федоров сын Сумкин*», основатель д. Сумкиной, где и проживал со своей семьей из 7 человек. Свыше двух веков существовала деревня на самаровской земле, пока в 1967 г. Ханты-Мансийский окрисполком не принял решение «*...исключить из учета данных ввиду переезда жителей в д. Шапшу и Зенково...*».

В д. Зинково (название ее в разные исторические периоды звучало по-разному: Зинково, Зенковская, Зенькова) в 1763 г. проживало 17 душ мужского и 13 душ женского пола. Деревня состояла из 4 дворов ямщиков Пачгановых: «*Семена Козмина, Федосея Екимова, Василия Федосеева, Василия Екимова*». Все зенковские Пачгановы, как и сумкинские Сумкины, конёвские Конёвы, спиринские Спиридоновы, состояли между собой в кровном родстве. Василий и Федосей Екимовы были родными братьями. Василий Федосеев являлся сыном Федосея. Семен, сын Козмы, приходился племянником Василию и Федосею. Отсюда выходило, что все хозяева дворов – деревенские однофамильцы – имели одни общие корни. Исключения составляли только лишь их жены, взятые из соседних деревень и городов. Но нередко в деревне встречались и кровосмесительные браки, когда в жены брались двоюродные и троюродные сестры.

Самыми населенными деревнями Самаровского ведомства второй половины XVIII в. были Реполовская, Елизарово, Горшкова, в которых соответственно проживало 119, 60 и 53 человека (душ мужского и женского пола).

Так, согласно переписи душ 1763 г. в д. Елизаровой проживало 8 семей. 5 из них имели фамилию Кайгородовы, 3 – Шаламовы. Стар-

шим в деревне был «Иван Елизаров сын Кайгородов» – 83 лет, отец его со своим семейством проходил по переписи, проведенной боярским сыном Василием Измайловым в 1710 г., как ямщик Самаровской ямской слободы. Одно время, в 1683 г., он служил пономарем при Покровской церкви, о чем упоминается в «Переписной книге» Л. М. Поскочина: «Во дворе пономарь Елизарко Андреев сын Кайгородов сказал: родился де он на Самаровском яму. Государева денежного жалованья ему рубль с полтиною, хлеба четь с осминою ржи, овса тож. Сенных у него покосов в лугу на дватцать копен». Основателем этого рода на земле самаровской был «Семен Ларионов сын Кайгородов», выходец из поморского Кайгородка.

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что основателем д. Елизарово был отец Ивана – «Елизар Андреев сын Кайгородов», на что указывает и название населенного пункта. Фамилия Кайгородовых стала доминирующей в деревне. По переписи 1744 г. два сына Елизара – Иван и Антон с семьями – уже проживали в данном селении. Это еще раз подтверждает, что земли Самаровского ведомства стали осваивать после 1710 г. На сегодня в с. Елизарово проживает 37 семей с фамилией Кайгородовы.

С. К. Патканов, проводивший исследование экономического быта крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии в конце 1880 гг., писал, что русские крестьяне, поселившись рядом с остяцкими юртами, «...обустраиваются обыкновенно довольно скоро. Маленькая русская колония постепенно растет путем естественного прироста и в огромном большинстве случаев превращается впоследствии в русскую деревню». Именно так многие деревени и села по нижнему Иртышу, а также Оби «произошли подобным образом, например, деревня Филинская и юрты Филинские составляют в настоящее время одно селение, где вместе живут остяки и русские; то же село Базьяново и Базьяновские юрты, деревня и юрты Шапины и т.д.».

Листы переписи 1763 г. довольно занятно «пронумерованы». Сбоку на полях каждого из 38 листов (по 1-2 слога на лист) писарь написал: «в небытность управителя коллежскаго асессора Долгинина вместо выборного Василья Корепанова ево велением ямщики». Внизу листов писарь также двухкратно повторил фразу: «Сподлинное читаль Самаровского яму ямскихъ управительскихъ делъ писарь Петръ Соскинъ».

Писарь указал «*выборного Василья Корепанова*». Вероятно, данное лицо было переизбрано в члены Самаровской управительской канцелярии в конце этой переписи, в 1765–1766 гг., потому как перепись начиналась в 1763 г. при «*выборном Дмитрее Сургуткове*». Имя Сургутскова фигурирует и в предпоследнем (38) листе сказки и датировано 18 ноября 1763 г., чтобы не противоречить заглавию на первом листе сказки.

Получалось, что по последней ревизии (1747) в Самаровском яме состояло 487 ямщицких душ. «*Из оных после ревизии разными случаями выбыло 158 душ. Ныне же налицо с прибылыми и вновь рожденными...*». Получилось 625 душ.

Отдельной графой в перечневой ведомости сказки стояла графа «количество душ женска пола», которое составило 532 человека.

На последнем 39-м листе ревизской сказки указано общее количество выявленных ямщицких душ по каждому населенному пункту:

Самаровский ям – 317,

д. Реполовская – 56,

д. Ломполовская (Тюлинская) – 12,

д. Базьянова – 19,

д. Фролова – 18,

д. Аленёва – 18,

д. Шапшина – 11,

д. Сумкина – 5,

д. Конёва – 22,

д. Спирина – 22,

д. Зинкова – 16,

д. Горшкова – 30,

д. Скрыпунова – 6,

д. Белогорская – 18,

д. Елизарова – 34,

д. Сухоруковская – 21.

Те, кто заинтересуется данными 3-й ревизии, могут обратиться к краеведческому альманаху «Подорожник» № 10, где опубликована 1-я часть ревизии 1763 г. в современной транскрипции.

Петербургское окружение Х. М. Лопарева. Перспективы изучения

Белобородов Валерий Константинович

Учреждение «Лопаревских чтений» Государственной библиотекой Югры побуждает к изучению биографии Х. М. Лопарева. Большая часть его жизни прошла в Санкт-Петербурге, в этом городе он раскрылся как личность и как ученый, но об этом периоде его жизни мы знаем пока очень мало.

Для исследователя биографии Х. М. Лопарева важно знать, кто его окружал, с кем он сотрудничал, спорил, дружил и т.п. Бывший тобольский уездный исправник А. П. Дзерожинский, инициатор отправления Хрисанфа Лопарева на учебу в Тобольскую гимназию, в письме от 19 февраля 1883 г. советовал ему, первокурснику историко-филологического факультета Петербургского университета, представиться бывшему генерал-губернатору Западной Сибири Н. Г. Казнакову, бывшему тобольскому губернатору А. И. Деспот-Зеновичу, познакомиться с редактором газеты «Восточное обозрение» Н. М. Ядринцевым и зоологом И. С. Поляковым.

Но, по собственному признанию и по свидетельствам некоторых современников (Заливалова Л. Н. Х. М. Лопарев: ученый и его рукописное наследие // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / ред. И. П. Медведев. СПб., 1995. С. 213–225), Хрисанф Мефодьевич был от природы человеком сосредоточенным в себе, замкнутым, застенчивым, и ему не так легко было заводить и поддерживать знакомства.

Ключевым моментом петербургской жизни Лопарева было принятие им на первом курсе решения участвовать в конкурсе сочинений на соискание медалей. Он избрал тему «Хронографическое обозрение царствования Василия I Македонянина по источникам». С этого сочинения, как он сам говорил, пробудилась его любовь к истории Византии. А крупнейшим византистом, издателем источников и переводчиком книг и рукописей по истории Византии был В. Г. Васильевский (1838–1899), впоследствии избранный академиком. Видя серьезный интерес робкого первокурсника к теме сочинения, он стал приглашать

его к себе на квартиру. Начиная с середины ноября 1883 г., Лопарев бывал у профессора почти каждую пятницу.

Как видно из «Материалов для моей биографии» Х. М. Лопарева, в квартире Васильевского состоялись важные для Лопарева знакомства с будущим академиком, филологом Виктором Карловичем Ернштедтом (1854–1902), историком, будущим профессором Петербургского университета Иваном Михайловичем Гревсом (1860–1941), другими молодыми людьми, получившими впоследствии известность.

Окружение Х. М. Лопарева складывалось в последующие годы в прямой связи с кругом его интересов. Научный авторитет Лопарева как знатока средневековых византийских памятников и рукописных фондов архивов и библиотек привлекал к нему многих специалистов. В Санкт-Петербургском филиале архива Российской академии наук (ПФА РАН) в фонде Х. М. Лопарева хранятся письма к нему В. Г. Васильевского, Ф. И. Успенского, В. К. Ернштедта и многих других ученых.

Письменное общение Х. М. Лопарева было довольно интенсивным, в описи № 2 фонда № 107 ПФА РАН учтено более 500 его корреспондентов, что свидетельствует об очень богатом материале для изучения круга его знакомств. В фонде почти нет писем самого Лопарева, но их можно попытаться отыскать в личных фондах тех, с кем он состоял в переписке.

Что касается непосредственного общения, то некоторое представление о нем дают документы дела, имеющего название «Бумаги об избрании в члены различных ученых обществ и учреждений...» (ПФА РАН. Ф. 107. Оп. 1. Д. 88. 56 л.).

В 1888 г. Лопарев был избран членом-сотрудником Императорского русского археологического общества, в 1894 г. – членом-корреспондентом Императорского общества любителей древней письменности. Состоял в Обществе ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, археографической комиссии Министерства народного просвещения, Санкт-Петербургском Славянском благотворительном обществе, Обществе изучения Сибири и улучшения ее быта (1910), Русском библиологическом обществе, Санкт-Петербургской ученой архивной комиссии.

Бытовое общение Х. М. Лопарева вряд ли было столь же насыщенным. Жил он одиноко. В 1891 г. намечался его брак с Ю. М. По-

повой, но расстроился, и Хрисанф Мефодьевич намеревался уйти в монастырь. Двоюродный брат М. Н. Кузнецов в письме из Самарово отговаривал его от этого поступка (Самаровский петербуржец: письма сибиряков к Х. М. Лопареву / ред.-сост. В. К. Белобородов. Ханты-Мансийск, 2008. С. 47). В 1907 г. Лопарев заключил договор с сестрами М. Н. и В. Н. Эрке, и они вели его скромное хозяйство. В 1916 г., когда Мария Николаевна умерла, он женился на Вере Николаевне.

Очень важной для Хрисанфа Мефодьевича была связь с родиной, сибиряками, самаровцами. Если случалось кому-нибудь из них оказаться в Петербурге, они бывали его непременно гостями. А письменное его общение с сибиряками было весьма оживленным. В этом же фонде хранится около 1000 писем к Лопареву из Сибири. Характер этого заочного общения частично высвечен в только что изданном сборнике «Самаровский петербуржец: письма сибиряков к Х. М. Лопареву», в нем 148 документов – небольшая часть из того, что хранится в ПФА РАН.

Промысел водоплавающих птиц в книге и переписке Х. М. Лопарева

Патрикеев Новомир Борисович

Хрисанф Мефодьевич Лопарев (1862–1918) позиционируется во многих источниках как специалист по древнерусской письменности, византиновед, историк, архивист и библиограф. Хантымансийцам он ближе как сибиревед-энциклопедист и, прежде всего, краевед, исследователь природы, истории, экономики, этнографии, собиратель флоры.

Темой данного обзора мы выбрали одно из заметных занятий жителей с. Самарово – охоту на гусей и уток, используя книгу «Самарово» [1] и переписку автора с земляками [2]. Этот промысел занимал важное место в годовом трудовом цикле селян и, кроме определенного товарного значения, был основным способом заготовки мяса на летний период.

С другой стороны, в то время, да и вплоть до второй половины XX в., район слияния Иртыша и Оби был наиболее удобным и добычливым местом промысловой гусиной охоты. Поэтому «гусничество», как тогда его называли, было своего рода фирменным занятием самаровцев.

В исторической части своей книги Х. М. Лопарев пишет, что первым, кто описал в печати все промыслы с. Самарово, был путешественник Белявский (тобольский врач Франц Белявский. – Н. П.). Цитируя его книгу «Поездка к Ледовитому океану» (М., 1833), Лопарев не забывал и об охоте:

«Другой важный предмет промышленности – лов птиц, которые водятся здесь весною и осенью во множестве. Их ловят, во-первых, перевесами в просеке между двумя озерами. Утреннюю и вечернюю зарю птица, летая низко, ищет в лесах промежутков и, не примечая сети, падает в оню; нередко в одну летнюю ночь искусные охотники ловят от 25 до 50 пар гусей и уток. Другой способ сего промысла – поньжа (сеть) с маничками. Сеть подкрашивается под цвет песка, на котором она раскидывается, и охотники подкликают гусей на разные лады (свой крик и полет имеют семь родов гусей) посредством

тонкого береста; звуки эти удивительно точно передают гусиные крики. Чучелы ставятся всегда против ветра и так, чтобы между ними могли садиться гуси. Этим путем ловится меньше, но зато можно сидеть весь день... Пойманную птицу сушат и солят».

Сам Х. М. Лопарев в бытовой части своей книги пишет о ружейной охоте на гусей и, скорее всего, по воспоминаниям детства, т.к. в 1874 г. (в 12 лет) он уехал учиться и больше весной в Самарово не бывал:

«В мае начинается гусиный промысел, «весновка». С кремневыми одноствольными ружьями, с запасом гусиной дробы и пороху отправлялись крестьяне на несколько дней и недель на места, излюбленные птицами. С собой везли они «маньщиков», гусиные чучела, к которым «на подгаркивание» промышленников слетались ляки¹, кырсеми² и другие виды гусей, и охотнику из наскоро сделанной «землянки» оставалось только стрелять их... Птицу солят и таким образом запасаются ею для хозяйства».

О сетях-перевесах, которыми в основном ловили уток и в определенное время гусей (в книге упоминается случай, когда за ночь добывали 50 гусей и лебедей), автор говорит уже со знанием дела как неоднократный участник таких охот:

«Весной же на светлые ночи жители ездят «сидеть перевесами», промыслять птиц большими сетями (60–70 футов³ вышины и 70–100 ширины), растягиваемыми в лесных просеках обыкновенно между двумя водными пространствами, где любят плавать утки. Сеть поддерживается на высоте посредством тонких бечевок, продетых в «векши» (блоки), прикрепленные к верхушкам двух наиболее высоких лесин. Концы длинной бечевки находятся в руках промышленника, сторожка которого помещается сбоку у лесной опушки, и приткнуты рожном. Все искусство птицелова состоит в том, чтобы при приближении уток вовремя выдернуть рожон и спустить перевес, который своею тяжестью увлекает вниз запутавшихся в него птиц, но если пропу-

---

¹ Белолобый гусь

² Гусь-пикулька

³ Мера длины (англ.) – 0,30 м

стить удобный момент, стая прорывает перевес и кроме убытков ничего не приносит промышленнику. Есть роды уток, которые летят в предшествовании возжак; в таком случае ловить труднее: необходимо не сразу спускать перевес, а сначала сдать его лишь немного, чтобы запутать возжак и подождать, пока вся стая приблизится на хорошо изученное зорким глазом птицелова расстояние. Впрочем, и тогда успех нельзя считать обеспеченным: есть утки, которые мгновенно понимают опасность запутавшегося в перевес возжак и умеют тотчас же под прямым углом подняться в высоту. По утру снимают перевес, оставляя бечевки с векшами, и иногда с большим уловом возвращаются на лодках домой».

Прочитав множество работ по истории промысла водоплавающих птиц и сам написав об этом не одну книжку, нигде и никогда не встречал такой добродушно-юморной реакции на неудачную охоту:

«Лица, ничего не поймавшие и даже не видавшие птиц, служат дорогим для остальных предметом шуток и острот: над ними «цыганят» и говорят: «с чурилом»! Сколько помню, высшею моею удачею было поймать за один спуск перевеса двух свизей; но бывали случаи, когда и надо мной цыганили, как над чурильником, не поймавшим во всю ночь ни одной птицы».

Летописец Самарово вспоминал необычные случаи на охоте. Мы узнаем, что одним из славных охотников села был отец автора Мефодий (Нефёт, Неофит) Лаврентьевич, который однажды с одного выстрела добыл 13 гусей. Хорошо знал он и повадки птиц. Как-то охотники окружили сетью стайку уток, которых можно было сосчитать, но одна из них вдруг исчезла. Все были склонны примириться с пропажей, но Нефёт Лаврентьевич сказал: *«Эта птица хитра: она ныряет, цепляется за траву и может долго оставаться под водой».* Когда охотники не поверили, он нырнул и появился с уткой в руке. Промышленники достойно оценили такие опытность и знания, отдав ему ту утку сверх «пая».

В конце книги, в разделе «Образчики языка и говора в с. Самарово» автор объясняет местные названия водоплавающих птиц, охотничьих терминов и принадлежностей, а некоторые из них дает в переводе на остяцкий (хантыйский) и самоедский (ненецкий) языки.

По книге видно, что и работая в Петербурге после окончания в 1886 г. университета, Х. М. Лопарев продолжал интересоваться охот-

ничьими делами своих земляков и родственников, о чем свидетельствуют приведенные автором письма, которые в какой-то мере можно считать и ответами на вопросы.

Так, возвратившийся из армии родной брат Илья пишет в мае 1888 г. о состоянии промыслового инвентаря: *«Все было уложено в порядке, только одни ружья попортились, потому что они после смерти родителя были вычищены и хотя лежали в сухом месте, но во время зимы замерзали, а весной растаивали, поэтому очень заржавели...»*.

В дальнейшем автор не раз присылал родственникам ружья в подарок. Так, 17 марта 1892 г. Илья писал брату, чтобы ружье пока не присылал по причине бедственного положения в селе из-за последствий наводнения: *«должно быть не придется сидеть гусей»*. В книге «Самаровский петербуржец» есть два письма племянника Платона Ильича, где он благодарит дядю за подаренное хорошее ружье (5 ноября 1901 г.) и сообщает, что внуки Ильи стреляют из подаренных Х. М. Лопаревым ружей (14 сентября 1914 г.).

В книге «Самарово» есть несколько сообщений о сроках и результатах весенней охоты. Например, выдержка из статьи г. Лыткина в «Тобольских губернских ведомостях» (1890. № 34) о том, что *«охота на птиц... нынешней весной была особенно удачна: на одно ружье пришлось по 100 гусей. Перевесами промышляли уток также хорошо»*. 20 июня 1890 г. и брат Илья писал, что *«гусей было довольно; я убил 64 гуся»*.

Из его же письма от 13 июня 1891 г. видно, что гусей снова *«весной было довольно; я, слава Богу, убил 97 гусей»*. Однако в 1892 г., судя по письму Ильи, *«гусей и уток вовсе не было»* из-за высокого уровня воды.

В 1893 г. промысел, видимо, был удачным, т.к. 1 апреля Илья сообщал, что весна стояла хорошая, *«дождемся гусей и уток, уже собираемся на весновку»*.

В начале 1894 г. Илья Мефодьевич умер, и следующие сообщения о весенней охоте на гусей и уток мы взяли из упомянутой книги «Самаровский петербуржец». В письме Х. М. Лопареву от 10 мая 1903 г. самаровец П. В. Земцов передавал ему поклон от племянника Петра Ильича, который в то время на охоте стрелял гусей. Убил около 50 птиц.

Из письма самаровца Н. С. Скрипунова (от 26 апреля 1906 г.): *«Весна у нас довольно ранняя... Прилет птиц довольно хороший, но только лову никакого нет. На перёвесах совершенно ничего нет, и гусники убили плохо, так что только Иван Яковлевич Ершов убил всех больше (30) гусей».*

Заметим, что воспоминания Х. М. Лопарева и данные его корреспондентов вполне совпадают с описаниями птицеловного промысла на стыке XIX–XX вв. на Тобольском Севере в трудах И. С. Полякова [3] и А. А. Дунин-Горкавича [4]. Так, Поляков называет сроки пролета гусей в районе с. Самарово почти такие же, как указаны в книге и переписке, и пишет, что в 1876 г. охотники добыли здесь в среднем на ружье по 100–200 гусей-гуменников, белолобых, пискулек и краснозобых казарок. Дунин-Горкавич считал гусиную охоту в целом по Тобольскому округу забавой, а в Самаровской волости – довольно серьезным занятием, там охотники добывали до 20 птиц в день и до 150–200 за сезон.

Таким образом, книги «Самарово» и «Самаровский петербуржец» можно считать своеобразными источниками для изучения истории охоты на водоплавающих птиц в Югре.

Использованные источники:

Лопарев, Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа: хроника, воспоминания и материалы о его прошлом / Х. М. Лопарев. – Репр. воспр. изд. – Тюмень : СофтДизайн, 1997. – 264 с.

Самаровский петербуржец : письма сибиряков к Х. М. Лопареву / ред.-сост. В. К. Белобородов ; Департамент культуры и искусства Ханты-Манс. авт. окр. – Югры, Гос. б-ка Югры. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2008. – 294 с.

Поляков, И. С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби / И. С. Поляков. – СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1877. – 187 с. – (Записки Императорской Академии наук : прил. к 30 т. ; вып. 2).

Дунин-Горкавич, А. А. Тобольский Север. В 3 т. Т. 1. Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения с картой и 43 рис. в тексте / А. А. Дунин-Горкавич. – СПб. : тип. В. Киршбаума, 1904. – 281, [78] с.

П.И. Лопарев об охоте на гусей в окрестностях Самарово в начале 20 гг. XX в.

Патрикеев Новомир Борисович

Статью-исследование П. И. Лопарева «Гуси и гусиный промысел на Тобольском Севере» (Уральский охотник. 1924. № 5. С. 15–20) мы выбрали для обзора как своеобразное продолжение пленарного доклада об охоте на гусей и уток в воспоминаниях Х. М. Лопарева и его переписке с земляками-самаровцами.

В основе статьи лежит огромный личный опыт Платона Ильича Лопарева и не только как добычливого охотника, но и пытливой наблюдателя природы. Так, он объясняет причины замеченной еще его дядей Хрисанфом Мефодиевичем особой концентрации гусей в окрестностях с. Самарово тем, что при весеннем перелете на север гуси вылетают на р. Иртыш в 60–80 км от его устья, около р. Конды, и останавливаются на заливных сорах, где пасутся на открытых топких лугах с мелкой травой-полевицей, по-местному «гусником» или «мургом» (мурком). Такие излюбленные птицами места называются садбищами.

После продолжительных перелетов гуси, по многолетним наблюдениям П. И. Лопарева, с жадностью набрасываются на выходящую сразу из-под снега зелень и обжираются ею, в результате чего у них появляется сильный понос. Лечатся от него гуси просто – поглощая песок. *«Вылет на пески с садбища в хорошую погоду происходит ежедневно и весь день с небольшими перерывами. Ночь гуси проводят почти всегда на садбищах. Нередко случается, что гуси прилетают на песок и размещаются на ночевку...».*

Раньше стаи задерживались здесь от полутора до двух месяцев. В условиях раннего наступления тепла, которое сменялось резким похолоданием (отзимком), они собирались в больших количествах по Иртышу до его устья и по правобережью Оби около ее слияния с Иртышом.

«В хорошие годы количество гуся бывает так велико, – пишет Лопарев, – что в расстоянии одной-двух верст от садбища трудно слышать в двух шагах стоящего товарища. Над такими садбищами

гусь, играя, поднимается целыми тучами, и тогда вблизи от садбища разговаривать – напрасный труд. В прошлом году, когда главные партии гуся «прошли» в три дня, с утра и до позднего вечера весь видимый горизонт был покрыт громаднейшими стаями, наполнявшими воздух несмолкаемыми криками. Картина захватывающая по красоте и мощности...

Причем, иногда в 15–20 верстах к северу не найдешь ни одного гуся, в то время когда южнее их уже целые тучи. Поэтому и специальный промысел велся, главным образом, на территории Самаровского района и преимущественно в бывшей Самаровской волости, где гусятников в процентном отношении было вдвое-втрое больше, чем в соседних Реполовской, Елизаровской и Зенковской волостях».

И улетали на Север из года в год почти одним и тем же путем. П. Лопарев не раз наблюдал, как гусиные стаи, идущие над Иртышом, не долетая около 15 км до с. Самарово, разделялись – одна летела к Северной горе (правый берег Оби), а другая – на левый берег Иртыша.

Замеченные им маршруты пролетов и места кормежки гусей были не только точными, но и не изменялись в течение полувека. Еще в начале 70 гг. прошлого века я не раз наблюдал многосотенные весенние скопления гусей по Иртышу около д. Добрино и по Оби – на сору у протоки Рыбная. А перелетая с Иртыша на Обь, гуси как пересекали, так и пересекают, конечно, в меньших количествах, Самаровский «полуостров» в 10–15 км от современного Ханты-Мансийска. Уже около 10 лет, регулярно живя на даче недалеко от устья лесной речушки Вьюшка, я наблюдаю пролетные стаи гусей, чаще белолобых. А по дороге из города всегда обращаю внимание на высоченный кедр около приводного пункта аэропорта. К нему прибиты поперечные палки, по которым охотник забирался к своей «воздушной» засидке и стрелял летевших исконным маршрутом гусей. И было это не так уж давно, до начала строительства шоссе, в начале 1990 гг.

«Гуси прилетают всегда «на лед и снег», – пишет автор, – и рассыпаются по проталинам. Сначала приходят «разведчики» по четыре-семь гусей в стае». Самый ранний прилет, записанный Лопаревым, – 9 апреля, самый ранний срок охоты – 14 апреля, когда добыта пара гусей. До 25 апреля охотники, как и сейчас, только мерзли, пока не начинался сносный промысел. Главные «косяки» гусей подходят к 12–15 мая, а к первому июня остаются незначительные стайки.

Первым прилетает желтоносый черняк (*Anser tabalis*, подвид гуменника обыкновенного. – *Н. П.*). Он крупнее, с более широкой красно-оранжевой или желтой перевязкой на клюве. Другие местные названия гуменников – буряк, сибиряк, на юге – пашенный гусь. Затем подходит синеносый черняк (подвид короткоклювый гуменник. – *Н. П.*), несколько меньший по величине, с коротким толстым клювом и розовато-красной перевязкой. Одновременно с ним прилетает беляк-речник (*Anser anser*, серый гусь. – *Н. П.*).

Не менее чем через неделю, по данным Лопарева, *«появляются долгожданные породы ляков (*Anser albifrons*, белолобый гусь. – *Н. П.*), наполняющие воздух веселым клыканьем. Ляки пользуются особой любовью местного населения за свою многочисленность, веселость и, главное, «ласковость» (ляк хорошо идет на клыканье)...*».

Об этом гусе наши предшественники знали, похоже, намного больше, чем современные охотники и охотоведы. Они различали три разновидности ляков: чернобрюхого – весом около 4 кг, среднего – чуть более 3 кг и малого – около 2,5 кг. Поскольку чернобрюхий почти без остановки проходил на север, малый и средний, тогда очень многочисленные, были главными объектами гусяного промысла. Среди них отличали так называемых «горюнов» – самцов белолобых гусей, самки которых были убиты из станков. Целыми днями с печальными криками летали «горюны» над станками и, увидев приближающуюся стаю, становились в ее голове и вели прямо к манщикам. А не долетев, издавали тревожный сигнал, «клыканье». Его подхватывала вся стая и отворачивала.

Вместе с ляками прилетали кирсемы (*Anser eritropus*, гусь-пискулька. – *Н. П.*) – самые маленькие, теперь сравнительно редкие и занесенные в Красную книгу гуси. Пискулька – почти полная копия белолобого гуся, только меньше по размеру и более интенсивно окрашен. Белое пятно на лбу у него больше – захватывает верх головы между глазами, которые окружены голыми припухлыми желтыми веками, словно изящными золотыми очками. Оба вида часто соединялись в одну стаю, а среди прилетавших последними современники Лопарева выделяли «опаленышей», гусей с выцветшим весенним оперением, концы крыльев и перья их были словно обожжены огнем. Они наивно думали, что задержавшиеся в жарких странах гуси опалены солнцем.

Самым последним прилетал чеквой (*Rufibrenta rufikollis*, краснозобая казарка. – *Н. П.*), занесенный теперь в Красную книгу. Чеквои, названные так за свой крик – «чек-вой», останавливались главным образом в Елизаровской волости, где и охраняются теперь в одноименном заказнике.

А теперь о самом процессе охоты.

Вот так по описанию П. И. Лопарева выглядели их станки-засидки. Для охоты на песках делалась в шипы рама из четырех брусьев в 2 аршина длины (около 1,5 м) и 1,5х1,5 вершка (около 7 см) в поперечнике. На каждой ее стороне через 5 вершков (22,5 см) сверлились сквозные отверстия, в которые вставляли прямые ивовые прутья в палец толщиной. Они попарно загибались, образуя как бы купол, но с одной стороны оставлялось пространство для дверцы, примерно 12х12 вершков (54 см).

При помощи обычных гвоздей рама обтягивалась плотным холстом. Из него же делали дверцу на двух поперечных палочках и пришивали сверху. С обеих сторон дверцы на высоту 2 вершков (9 см) от рамы вырезали две бойницы, на остальных сторонах – по три, причем для большего сектора обстрела проделывали угловые бойницы.

Рама ставилась на вырытую в песке яму глубиной в 1,5 аршина (106 см) и сверху засыпалась тонким слоем грунта. Некоторые охотники покрывали стенки рогожей, а у входа сбоку помещали железную печурку с трубой, возвышавшейся над крышей на 3 вершка (13,5 см).

При охоте на соровых разливах рама вместо холста обтягивалась частой мережей (сетью), на которую до бойниц тонким слоем укладывалась светлая осока или светлый пырей, и накрывалась уже редкой тонкой мережей. Дверцу делали из веток и также маскировали сверху соломой. Сквозь такую крышу охотник видел подлетающих гусей. Поскольку места в пойме обычно топкие, на дно ямы клали настил, а под ним делали углубление для отчерпывания воды. Применяли на сорах и менее удобные «лежачие» скрадки без ямы, на высоту по колено охотника – до 10 вершков (около 1,5 м).

Поскольку гуси прилетают, как только появляются проталины, иногда в самом начале апреля, а холода держатся порой до конца месяца, некоторые охотники устраивали скрадки в снежных ямах, надевая для маскировки белые халаты.

Засидки располагали на пересечении наиболее вероятных путей перелетов птиц с садбища на садбище и на пески. После тщательной маскировки, разравнивания и подметания вырытого грунта подбирали все подозрительные предметы. Достаточно было забыть топор, оставить свои следы или окровавленное перо, чтобы гуси почувствовали опасность.

«Следующая сложная операция, – рассказывает Лопарев, – это постановка чучел-маньщиков... Количество маньщиков бывает различно. У исправных да бережливых маньщиков бывает и до сорока штук, у других же 8–12–20. Цель постановки маньщиков заключается в том, чтобы посадить гусей именно в то место «поля» (пространство между маньщиками и станком), где нужно. Описать все способы постановки здесь, конечно, невозможно; общее же правило – маньщики становятся головою всегда на ветер».

Забравшись в станок, охотники ждали гусей, а увидев стаю, «подгаркивали» ее, издавая призывные звуки. Кроме приглашающих садиться, гусятники знали крики, предупреждающие об опасности. Но мало различать гусиные крики, главное – уметь их имитировать. А это большое искусство, которым владели лучшие «кликальщики», используя так называемое «берестечко». Полоска бересты толщиной в бумажный лист, шириной 2 см и длиной 15 см, хорошо проваренная в жирных щах да еще пропитанная салом, становится эластичной, крепкой и хорошо вибрирует, превращаясь в настоящий музыкальный инструмент. Охотник берет его большими и указательными пальцами, растягивает и вставляет в рот, служащий одновременно мехами и резонатором. От выдуваемого воздуха береста колеблется и издает нужный звук. Были мастера «кликать» и в обыкновенную травинку.

При помощи берестечка кликальщик как бы разговаривает с гусями, заставляя их спускаться с громадной высоты, кружиться над станком и, наконец, садиться к расставленным чучелам. Выждав момент, когда на мушке сойдется больше птиц, охотник стреляет и бежит собирать гусей.

В 10–20 гг. XX в. гусятники-промысловики региона из русского старожильческого населения уже широко применяли одноствольные дульнозарядные (шомпольные) дробовики, только не кремневые, а пистонные, точнее капсюльного воспламенения, 4, 6, 8, 10 калибров.

И если представить, что 4 калибр имеют современные сигнальные пистолеты-ракетницы, то неудивительно, что после выстрела из подобной пищали, приносившего при удаче десятков и больше гусей, охотники нередко силой отдачи перевертывались в станке, повреждали ключицы и руки.

Но и добыча, даже в виде одного гуся, была весомой. А когда десятки и сотни трофеев! Так в начале 20-х годов Платон Лопарев брал за весну 150 гусей, а однажды с обеда и до вечера – 59. Другие охотники, случалось, били в день и по 100 штук. Сезонный результат хорошего гусятника достигал 200–300 птиц, рекордная цифра – 500. Общий отстрел по Самаровскому району за весну поднимался от минимума 2 тысячи до 10–12 тысяч гусей.

Промысловая охота на гусей в Обь-Иртышье не ведется уже более полувека. Единственным гусем, не занесенным в Красную книгу Югры, остается белолобый. Правда, с подачи маститых зоологов из Екатеринбурга разрешен отстрел гуменника тундровой популяции, но как его отличить, тем более в полете, знают, наверное, только они.

А статья П. И. Лопарева остается одной из немногих, если не единственной, так полно охватывающей все тонкости сложного гусиного промысла.

П. И. Лопарев – кооператор, охотовед, зверовод, эколог и рабкор Тобольского Севера

Патрикеев Новомир Борисович

Говоря сегодня о племяннике Хрисанфа Мефодьевича Лопарева Платоне Ильиче (1890–1938), я выполняю резолюцию наших первых чтений о необходимости привлечения новых имен подвижников Севера и в первую очередь самаровцев.

И хотя имя П. И. Лопарева очень даже не новое в историографии Обь-Иртышья, но подавалось практически только в ореоле героя гражданской войны и жертвы сталинских репрессий. В биобиблиографическом словаре «Ученые и краеведы Югры», составителями которого являются В. К. Белобородов и Т. В. Пуртова (Тюмень, 1997), приведено 12 таких публикаций. И только одна – «Воин и исследователь Сибири» Г. Н. Тимофеева (Югра. 1991. № 1), кроме военной судьбы Лопарева, затрагивает его организационную и научную работу по развитию рыбной промышленности. А родственник Лопаревых краевед В. Конев в статье «Дядя и племянник Лопаревы» (Югра. 1995. № 9) дает одно из первых описаний биографии Платона Лопарева, отвлеченное от боевых действий. Автор конспективно затрагивает его участие в кооперативном движении, организации звероводства и особенно в развитии рыбной промышленности. Обращает внимание на высказанное П. И. Лопаревым предположение о наличии нефти в окрестностях пос. Хэ (восточный берег Обской губы) и по рекам Юган и Тром-Юган (Сургутский район), откуда он отправил в Москву пробы воды с подробным описанием местности.

К сожалению, в перечень публикаций о нем составители словаря не включили серьезное научное исследование профессора Тобольского пединститута Ю. П. Прибыльского «Патриот Севера» (Югра. 1995. № 11), где автор впервые показывает всю масштабность личности П. И. Лопарева, новизну и многообразие его жизненных интересов.

Называя среди них развитие кооперации и краеведения, собиранье и популяризацию фольклора народов Севера, Ю. П. Прибыльский отмечает и участие Платона Ильича в становлении пушного звероводства.

Будучи крупнейшим историком развития рыбной промышленности в Западной Сибири, автором двух диссертаций, ряда монографий и множества статей, профессор Ю. П. Прибыльский широко освещает роль П. И. Лопарева в научном обеспечении рыбного хозяйства Обь-Иртышья.

В упомянутом словаре и книге «Авторы публикаций об Югре в западносибирской и уральской периодике. 1857–1960 гг.». П. И. Лопарев представлен как активный краевед, член правления общества изучения края при Тобольском музее Севера, участник союзного краеведческого съезда в 1926 г.

Составителями словаря он позиционируется и в качестве собирателя фольклора народов Севера. В библиографии к его персоналии указываются публикации «Поклонение Ун-Урту» и «Сказание об Ун-Урте» под рубрикой «Мифология остяков и самоедов» в журнале «Наш край» (1924. №№ 1, 3). В 1995 г. они частично перепечатаны в журнале «Югра» № 6 под заголовком «Ине Хон» («Водяной царь»). Возможно, где-то в архивах, а в газетах точно (на что есть несколько указаний) сохранились записи других преданий и сказок, которые ждут своих комментариев.

Меня, как давнего исследователя истории промысловой и любительской охоты в Обь-Иртышье, привлекло то, что в библиографии трудов самого П. И. Лопарева в словаре есть названия его многих журнальных публикаций, посвященных состоянию и проблемам охотничьего промысла на Тобольском Севере.

Это не случайно, вся его работа до назначения в 1930 г. начальником научной секции Обьрыбтреста, а затем директором Обь-Тазовской научной рыбохозяйственной станции проходила в кооперативах и других организациях, тесно связанных с охотпромыслом и пушзаготовками.

Согласно автобиографии П. И. Лопарева (Югра. 1991. № 1), имея за плечами Омское механико-техническое училище, в 1918 г. он закончил кооперативные курсы при Омском политехникуме и с июня 1918 по апрель 1923 г. работал инструктором Северосоюза в Тобольске, создавал северную кооперативную сеть, занимавшуюся не только торговлей, но и заготовками пушнины и рыбы.

В 1924–1926 гг. был старшим инспектором по Северу областной конторы Союзпушнины Внешторга (Наркомата внешней торговли), а

затем членом правления окружного охотрыбаксоюза, где заведовал организационным и промысловым отделами.

В апреле 1926 г. Комитет Севера принял решение о создании в районах Крайнего Севера интегральной (объединенной или смешанной) кооперации, призванной заниматься и производством, и снабжением, и кредитованием, и сбытом. Она наиболее соответствовала комплексному, но слаборазвитому хозяйству малых народностей Севера.

П. И. Лопарев стоял у истоков организации Тобольского окринтегралсоюза и его ячеек на местах, будучи старшим консультантом промыслового отдела, занимавшегося вопросами охотничьего промысла, рыболовства и оленеводства. К 1929 г. доля интегральной кооперации в снабжении составляла 58%, в пушных заготовках – до половины. На Тобольском Севере действовало 16 интегралкооперативов, в которых состояло 3354 хантов, манси и ненцев. Вместе с кооперативами появились новые фактории, укрепилась материальная и финансовая база северного хозяйства (Патрикеев Н. Б. Югра: вехи жизни. Ханты-Мансийск, 1995. С. 21).

П. И. Лопарев стал одним из пионеров организации клеточного звероводства в Обь-Иртышье, возглавив в 1928 г. строительство первой зверофермы. Заметим, что мысль об организации этой отрасли на Севере он высказал еще накануне первой мировой войны в письме из с. Самарово своему дяде Хрисанфу Мефодьевичу (Самаровский петербуржец. С. 11). Тогда Платон Ильич участвовал в подготовке организации лисьих питомников на артельных началах в Самарово, созданию которых помешала гражданская война.

Ему принадлежит и одна из первых постановочных статей на тему – «Об искусственном разведении пушного зверя», опубликованная в тобольском журнале «Наш край» (1924. № 4. С. 9–14), где речь шла о переходе от широко распространенного на Севере многовекового выкармливания пойманного молодняка лисиц и песцов к воспроизводству зверей на фермах, опираясь на опыт так называемого выкормочного звероводства. Лопарев писал, что еще в предвоенное время количество лисят-кормушек на территории нынешнего Березовского, Самаровского и Кондинского районов, образованных в конце 1923 г. в составе Тобольского округа Уральской области, достигало приблизительно тысячи голов.

Некоторые жители вскармливали за лето по несколько десятков лисят и при надлежащем уходе добивались хорошего качества меха. Так, зимой 1923–1924 гг. самаровские заготовители приняли три шкурки черно-бурых лисиц по очень высокой для того времени цене – 325, 375 и даже 508 рублей. Такие результаты позволили перейти к следующей стадии клеточного разведения пушных зверей в неволе.

Работая в Тобольском окринтегралсоюзе, П. И. Лопарев курировал создание первых лисьих питомников кооперации в с. Шеркалы Березовского района и д. Кушниково Сургутского района. Однако строительство их прекратили из-за недостатка средств и отсутствия металлической сетки для клеток. По этой же причине не удалось построить песцовый питомник в пос. Хэ Обдорского района, где уже был разработан устав артельного звероводства и приобретена пара песцов-производителей.

Осенью 1927 г. П. И. Лопарев обследовал первый действующий питомник, который создал на свои средства предприниматель Мамин в Кондинском районе, где он построил срубно-сеточные помещения для зверей, вполне соответствующие требованиям рационального звероводства. К этому времени здесь были получены первые три приплода лисиц.

В 1928 г. Госторг начал строительство около Тобольска пушно-зверового питомника на 100 пар американских лисиц (Васильев В. Охотничий промысел на Тобольском Севере, его устройство и перспективы // Урал. охотник. 1928. № 23/24. С. 16). Возглавил стройку П. И. Лопарев.

В статье «Патриот Севера» Ю. П. Прибыльский привел выписки из его дневника – своеобразную конкретную хронику строительства экспериментальной зверофермы в 1928–1929 гг.

Об этом документе я узнал еще почти полвека назад. Случайно обнаружил его во время практики на тобольской звероферме известный ямальский зоотехник и краевед Николай Саввавич Канев, который был моим предшественником на посту директора зверооленоводческого совхоза «Верхне-Пуровский». Он-то и передал дневник своему другу детства по Салехарду историку Юрию Прибыльскому.

Несколько странно, что дневник не изъяли после репрессии П. И. Лопарева в 1937 г. И вот они, чудом сохранившиеся живые строки истории:

«2 августа 1928 года. Продолжаем вырубку и раскорчевку леса, используем пилы, топоры, лопаты. Работа очень тяжелая, движается медленно.

21 августа. Утром на пароходе прибыли с фермы в Шеркалах три племенных лисицы, уроженки Германии.

7 ноября. Привет 11-й годовщине Октября! Культура нашего общества растет, а звероводство займет в нем надлежащее место. Мы стараемся это сделать.

19 февраля 1929 года. Сегодня у нас большой день. Постановили организовать общественное питание. За новый быт!

29 марта. В плановой комиссии округа делал доклад о строительстве фермы. Стройка наша признана лучшей. В округе такие достижения имели мы одни.

3 июня 1929 года. Идет постройка бани, жилья, дорог, домиков на ферме.

30 июня. Сегодня масса экскурсантов. Работники торгова, учителя из Башкирии, более 40 человек».

К сожалению, достроить ферму П. И. Лопареву не удалось – его перевели в рыбную промышленность.

Кроме активной работы по организации кооперативного движения, охотничьего промысла и заготовок пушнины, П. И. Лопарев регулярно сотрудничал с периодическими изданиями.

По данным библиографического указателя «Обь-Иртышский Север в западносибирской и уральской периодике. 1857–1944 гг.» (Тюмень, 2000) П. И. Лопарев был одним из ведущих авторов тобольского краеведческого журнала «Наш край», выходившего в 1924–1925 гг., где уже в первом номере опубликовал статью «Виды на пушные заготовки на Тобольском Севере в кампанию 1924–1925 годов».

Часто печатался в журнале «Уральский охотник», издававшемся в 1924–1933 гг. Наряду с публикациями организационно-информативного свойства, как «Пушная кампания в Самаровском районе» (1924. № 1), и познавательного характера, например, «Гуси и гусиный промысел на Тобольском Севере» (1924. № 5), он печатал статьи природоохранной тематики.

П. И. Лопарев первым выступил против массового вылова беззащитных во время половодья лисят в заметке «Обратите внимание

на Север» (1924. № 1), где сообщил о том, что только в наводнение 1923 г. по Реполовской, Самаровской, Зенковской и Елизаровской волостям Тобольского уезда Тюменской губернии по самым скромным подсчетам была выловлена 1000 лисят, что составляет трехгодичный обычный улов взрослых лисиц, которых здесь в среднем добывалось по 350 штук в год. *«Отсюда видно, – заключил автор, – что повторное наводнение года два-три подряд, от лисиц останется одно воспоминание».*

По его мнению, *«вопрос с ловлей лисят очень серьезный, и только самые крутые репрессии смогут искоренить этот хищный промысел. Необходимо просить соответствующие органы власти об издании строгих обязательных постановлений, безусловно запрещающих ловлю молодняка, и установить надзор за соблюдением этих постановлений».*

В этой же статье автор выступил и против варварской весенней охоты на лосей, когда *«по крепкому насту, в двухаршинном (почти полтораметровом. – Н. П.) снегу несчастные животные целыми стадами преследуются лыжниками, травятся собаками и, выбившись совершенно из сил, изранив ноги об острый «чир» (наст), погибают от ножа охотника или выстрела в упор».* *«Бьют лосей больше всяких потребностей и только в лучшем случае вывозят шкуры и немного мяса, оставляя остальное на съедение диким зверям. Промысел этот продолжает процветать и его необходимо совершенно запретить, установив хотя бы какой-нибудь надзор за соблюдением запрета».*

Злом, разъедающим охотничье хозяйство Севера, автор назвал и весеннюю охоту за пушным зверем, главным образом за соболем, лисицей и белкой. *«Хотя весенняя пушнина не имеет никакой ценности, а убивая оплодотворенных самок, охотник уничтожает целый выводок»*, – отмечает Лопарев и предлагает установить сроки охоты на каждый вид зверя в зависимости от разницы во времени гона и начала линьки, а также запретить скупку весенней пушнины с одинаковой ответственностью и охотников, и заготовителей, надзор же за соблюдением запрета поручить прежде всего сельским органам власти.

Затем он резко и обоснованно осудил добывание лисиц с помощью сильнодействующего яда стрихнина в статье «Способы лова лисиц стрихнином и его вред в пушном хозяйстве Тобольского Севера» (1924. № 3): *«Несмотря на то, что охотничье законодательство за-*

прещает применение ядов, в сезон 1923–1924 гг. многие начали охотиться с ядом, поскольку он свободно продавался по доступной цене, 3-5 рублей за грамм. Мало того, что этот способ непродуцителен, так как до 90% отравленных зверей охотники не находят, от отравы гибнет много соболей, от павших лисиц заражаются другие звери и промысловые собаки, была отмечена и гибель скота». Лопарев потребовал запретить свободную продажу стрихнина.

Необычным подходом к проблеме охраны бобров с учетом особого отношения к ним аборигенов отличается его статья «Еще о бобрах на Тобольском Севере» (1926. № 12). То, что остяки (ханты) и вогулы (манси) бдительно стерегли бобров в святых местах (емынг-тагат, емтахе), держали в строгой тайне места их обитания, автор объясняет существующим культом зверька. Считалось, что от благорасположения бобра зависели успех промысла и вся жизнь таежников. Бобровая струя (продукт выделения мускусных желез) применялась как магическое ритуальное средство для очищения от грехов, охраняла от злых духов. Настойка высушенной струи применялась как лекарство от всех болезней.

Заметим, что и современная медицина признает ее антисептическое и противоревматическое действие, а парфюмерная промышленность использует как фиксатор запахов при изготовлении самых дорогих духов. Расход семьи на бобровую струю, по мнению автора, был незначительным – один золотник (4,27 г) на два-три года. Так как вековые суеверные предрассудки изживаются с большим трудом, то надо думать, что струя еще долгое время будет иметь свое применение на Тобольском Севере и добываться путем убоя бобров. Во избежание этого Лопарев предложил продавать струю аборигенам, поручив это какой-нибудь одной организации.

Защите промысловых птиц и зверей от хищников посвящены его публикации «Волк и его истребление: О летней охоте на серых помещиков» и «Борьба с волками: Как делать летние ловушки» в издававшейся с января 1924 по апрель 1928 г. тобольской окружной газете «Северянин» (1927. 22 мая, 8 июня), где П. И. Лопарев был заметным автором по охотоведческой тематике. Назовем хотя бы проблемно-аналитическую статью «Хозяйственные организации Тобсевера и пушной заготовительный сезон 1925–1926 года» (1926. 11 марта).

Ждут особого анализа многочисленные публикации П. И. Лопарева по проблемам рыбной промышленности как в отдельных изданиях и журналах, так и в тобольских газетах «Тобольский Север» и «Северный рыбак».

И не только это. Надо свести воедино все грани его таланта, всю разноплановую деятельность на благо Тобольского Севера, подкрепить новыми документами его героическое участие в гражданской войне и расследовать до конца весь трагизм его гибели в сталинских застенках. А в Ханты-Мансийске нужен новый памятник земляку-патриоту с соответствующим указанием его заслуг.

ИСТОРИЯ ЮГРЫ: ЛИЦА, ФАКТЫ, ДАТЫ

Особенности быта священников на севере Тобольской епархии в конце XVIII в.

Сухорукова Надежда Владимировна

Материалы фонда Тобольской духовной консистории, хранящиеся в Тобольском государственном архиве, позволяют сделать обзор интересных бытовых подробностей службы приходских священников на севере губернии. В связи с пожарами в Тобольске в конце XVII и XVIII вв., в которых пострадали архивы, наиболее ранние выявленные документы относятся ко второй половине XVIII в.

Отдаленность приходов от центра епархии, низкий уровень образования священников часто делали их нарушителями государственных указов. В 1777 г. вышел правительственный Устав о торговле вином, в котором регламентировался сбор торговых пошлин. Торговля вином без уплаты пошлины считалась незаконной, а вино краденым. Для выявления подобных случаев устанавливалась фискальная система. *«Буде кто купит заведомо крадское вино с судна или с воза, или из винного магазейна, или питейного дома, или завода, и про то сделается ведомо, и в том изобличен будет, то учинить с ним следует тако: вино наличное изъять, буде винного магазейна; в винной магазейн, буде же поставщикам или откупщикам принадлежит, то учинить с ними ращет, да положить и взыскать пеню с виноватого узаконенную цену, вина вдвое против количества, что купил заведомо крадское вино, и да разделить равно с вором товарищем его тюремное содержание столько же времени, пока вор содержится в тюрьме, но не более двух сроков заседания судебного места, понеже вор иногда в тюрьме содержится не по единому токмо делу. Пеню же отдать одну часть доносителю /буде есть/, а другую часть причесть к присылным деньгам о продаже вина» [1].*

Сургутскими попами Анциферовым и Проводниковым было куплено вино для причастия из казенного магазина у винного пристава, сибирского дворянина Петра Щелканова. По доносу – вино было краденое. После расследования этого дела Тобольской духовной конси-

сторией оказалось, что покупка вина была сделана попами по неведению, о чем им было сделано строгое внушение с предупреждением о том, что в следующий раз будет с ними *«поступлено по закону»* [2].

Священники, жившие большими семьями на севере, имели низкий доход от своих прихожан, что невольно заставляло их усваивать традиционные занятия аборигенных народов: охоту и рыболовство. Иногда это вызывало имущественные споры в среде самого духовенства. В 1791 г. священник Ларьякской волости Яков Кайдалов обвинил пономаря Василия Тверитинова в убийстве своего домашнего оленя. *«Сего июня 12 дня в здешнее духовное правление Сургутского заказа уездной Ларьякской волости Знаменской церкви пономарь Василий Тверитинов доношением объявил, что прошлого 1790 года сентября 26 дня, прибыв в помянутой Знаменской церкви города Сургута заказчик протопоп Никифор Попов с сургутскими служилыми людьми, которая следовали мимо той церкви в Тазовския волости за сбором ясака, и быв в доме у священника Якова Кайдалова означенной протопоп Попов и ясашные сборщики пятидесятник Федор Самойлов и капрал Марко Тарасов, то священник Кайдалов просил у протопопа Попова о взыскании с него, пономаря, за убитого у священника домашнего оленя, который отошел от протчих оленей за реку Вах в материк, где никогда домашние олени не хаживали, а он пономарь по случаю ездил в тот материк для домашних надобностей, и будучи в самой горе, усмотрел в лесу бегущего мимо его оленя и не чаял, что он был домокормной. Ибо примет у него никаких не было, подстрелил его из лука неумышленно, а в том материке всегда бывают полевые олени. А как протопоп со сказанными пятидесятником и капралом, а с ними и священник Кайдалов ушли в дом к дьячку Якову Кайдалову, где оной священник вторительно на пономаря просил у протопопа Попова о помянутом олене, куда призван был и он пономарь, а по спросе протопопа сказал все вышеписанные речи, что убил тово оленя неумышленно, на то протопоп говорил священнику, когда на олене примет никаких не было и он зашел в незнаемый лес, где прежде домашние олени не хаживали, и убит нечаянно, то и взыскание бы с него оставить, а священник с ругательством называл ево пономаря вором в приеме у работников священниковых сена и объявил, что он в том грехе каялся ему на исповеди, на то протопоп говорил священнику от таких непристойных речей удержаться, а он священник, не взирая на*

то паки повторял те же речи, что пономарь ему каялся на исповеди, почему и принужден он пономарь сие засвидетельствовать бывшим при том в произношении прописанных от священника речей дьячку Якову Кайдалову, пятидесятнику Самойлову и капралу Тарасову и просит о защищении его от священника Кайдалова нападков и ругательства, а в открытом от него при исповеди грехе учинить рассмотрение. А как при выговоре от священника Кайдалова на пономаря вышеписанных о рассказанном грехе речей, от оногo удержаться подлинно его протопоп унимал, представляя ему на то, что от прибавления духовного регламента в 8-м пункте изображено, однако он священник не только от того не умолчал и он вторительно те же речи повторял при помянутых пятидесятнике Самойлове и капрале Тарасове. И потому пономаря Тверитинова доношению к надлежащему о прописанном удостоверении дьячек Яков Кайдалов в духовном правлении спрашиван и показал по всему с доношением сходственно. Священник Яков Кайдалов, не удовлетворившись таким решением, пишет Тобольскому епископу Варлааму о том, что он «разыскивал две недели своего оленя, а пономарь Тверитинов сам сказал ему, что убил оленя на его собственных Кайдалова угодьях тетерых, расстоянию от погоста в одной версте, что он, Кайдалов ночью был вызван в избу к дьячку Якову Кайдалову и его в присутствии казаков заставляли подтвердить обвинения вторично, при этом били по щеке и таскали за волосы» [3]. В этом документе следует различать священника Якова Кайдалова и дьячка Якова Кайдалова. Из дела следует, что у духовенства были не только домашние олени, но и тетеревиные угодья в версте от погоста. Охотились луком, что требовало большого навыка и сноровки.

Самым прибыльным делом на севере была торговля с инородцами. В 1797 г. Тобольской духовной консисторией священникам Тазовской волости Сургутского уезда Петру Анциферову и пономарю Якову Кондакову было запрещено заниматься торговлей, т.к. это противоречило правительственному Указу 1743 г. 6 октября 1797 г. в консисторском журнале было записано: «Слушали: сообщение из Тобольского Губернского Правления сентября от 2-го сего года коим оное с доношения Туруханской градской думы объявляет, что Сургутского заказа Тазовского погоста Николаевской церкви священник Петр Анциферов и пономарь Яков Кондаков, каждогодно приезжая в Туруханск в ярморочное время, продают мяхкую разных сортов рухлядь, а там

покупая весьма много лавочных товаров, увозят в свое место, и чрез то упражняются в торговле, а за производство той ими торговли положенное думою количество денег в общество не вносят. Требуем о чинимой вышеписанными священником Анциферовым и пономарем Кондаковым не соответственно носимому ими званию торговли учинить рассмотрение. А указом из святейшего Правительствующего Синода декабря от 26-го 1743 года предписано дабы из священнослужителей никто ни в каких судебных местах торгами, подрядами, откупами, промыслами, а в таких и в протчих тому подобных делах и о других поруками, яко правила Святых отец все по священному чину чинить отреченными обязывается, и в лихву серебра своего должникам давать отнюдь не дерзал, а буде кто отныне из них священнослужителем явится из вышеписанных вин где-либо в мирской команде самовольно заплетшийся или давший серебро свое должникам в лихву и подлинно в чем же либо из оного изоблится, такового аще по втором и третьем наказании от того не престанет и длится неисправен якоже именного рачителя наемника же, а не пастыря по сим правил святых апостол. Отменно изпреща сана священнического и для действительного по оному везде исполнения и объявления во всех церквях священно и церковнослужителям и синодальным членам и в епархии ко архиерею. А для ведома и ставропигальных монастырей ко властям послать Указы.

Приказали: послать в Сургутское Духовное правление Указ, коим предписать, дабы оное написанным в сообщении Губернского Правления священнику Анциферову и пономарю Кондакову отлучаться от своей церкви и прихода за торгами в противность объявленного Святейшего правительствующего Синода 1743 года декабря 26 Указа наистрожайше воспретило и ежели они еще за сим отважатся таковыя торги производить, то поступлено с ними будет по прописанному указу и изображенному правилом Святых апостол и Святых отец. В чем их и обязать в духовном правлении подписками. Губернский секретарь Петр Старцев» [4].

Желание повысить доходность своих приходов иногда толкало священников на сдачу в аренду церковных амбаров. Так, протопоп Сургутской Троицкой церкви сдал в 1794 г. томскому купцу Шумилкову церковный амбар под старой колокольней для хранения казенной

соли на два года. Но купец Шумилов денег не заплатил, хотя соль осталась в амбаре и в 1797 г. В связи с началом строительства нового каменного Троицкого собора и необходимостью сноса старой колокольни протопоп Никифор Попов был вынужден обратиться в Тобольскую духовную консисторию об освобождении амбара [5].

Особенным нарушением церковного устава было использование священниками языческих обрядов с целью получения клятвы у инородцев. В 1795 г. остячка Прасковья Пынжина в присутствии Земского суда при депутате с духовной стороны священнике Алексее Попове дала показания: *«Что де прошлого 792 года в апреле месяце приезжала она Пынжина из своих юрт в Верхнелумпокольский погост для некоторой надобности, и пришедши в дом к дьячку Гаврилу Тверитинову, который спрашивал ее, что де Стефана Пынжина сын Иван натянутой лук на росомаху оставил отцу своему смотреть, сын де твой пошедши за белкой и усмотрел лук спущен и подстрелилась росомаху, и не твой ли де сын взял ее, я на то сказала дьячку Тверитинову, сын де мой не приносил никакой росомахи ко мне и совсем не видала, стал он меня принуждать к божбе, пошел в столовый ящик, вынул из оногo медвежье естество и начал меня насильно принуждать оное естество грысти, и я, убоясь, начала грысти и перекусила, – дьячек же крохи собрал и я оттуда вышла вон и объявила о сем деле священнику Ивану Кайдалову, и притом были у дьячка Тверитинова в доме ясашные остяки Парфентий Васильев Басараков, Герасим Иванов Басараков же, Семен Григорьев Воголков и все сие показала по сущей справедливости и ничего не утаила и за неимением грамоты просьбою ее ясашной Иван Пынжин приложил тамгу»* [6].

В показании Гаврилы Тверитинова говорится о том, что ему 48 лет, женат, имеет 4 сына и 2 дочери. *«А в прошлом 793-м году ездил он Тверитинов в город Нарым за покупкою ржаного хлеба. И при возвращении его Тверитинова из Нарыма просил его тогда Нарымский купец Семен Богданов, чтобы отвезти священнику Ивану Кайдалову ржаной до трехсот пудов муки, который хлеб за приемом дьячка Тверитинова и по прибытии его в Верхнелумпокольский погост, то и начал он Тверитинов означенному священнику Ивану Кайдалову хлеб сдавать на вес, и в остатке за недачею осталось до ста тридцати пудов, и после обеда священник Кайдалов начал и достальное число без него*

Тверитинова принимать сам собою, но как же дьячек Тверитинов пришедши спросил, сколько де тобою хлеба навешано, и он мне, Кайдалов объявил, что де мною навешано муки тринадцать пудов, а четырнадцатый де на весах лежит, на что я, Тверитинов и не уверился. Спросил его работника Нарымского крестьянина Гаврила Инбокина, сколько де тобой снесено хлеба в попов дом, который мне сказал, что де я по три пуда ношу и дважды уносил по три пуда, да остяк уносил по два пуда, а в третий раз два де пуда в мешке, а третий на весу, и того составит пятнадцать пудов, на что мне Тверитинову священник Кайдалов сказал, что де нарублено на рубежах четырнадцать, а не пятнадцать пудов, и вешенной пуд недодал. Я его работнику снимать, что де излишнее число муки берешь, отчего и сделалась с тем священником ссора, который и ударил меня кулаком в грудь, но после же и в другой раз замахнул на меня к таковому ж удару, что видя, я, Тверитинов, чтоб и до смерти священник Кайдалов не мог бы меня убить, принужденным нашел себя снять безмен с табурки, которым и устраивал того священника, дабы не мог он меня изувечить, а чтоб дом его священника сжечь, то я такого зловерного намерения не имел, в чем и показал самую суую правду» [7].

Это кляузное дело имело продолжение. Пономарь Верхнелумпокольского погоста Осип Иванов Кайдалов на поданное в земской суд доношение того же погоста священника Иоанна Кайдалова при депутате с духовной стороны священнике Алексее Попове показал: «Подлинно зовут его Иосифом, от роду ему девятнадцать лет, холост, а сего 795 года августа 1-го дня ходил он Кайдалов по своим слопцам и во оных слопцах усмотрел вынутые две тетери, а кем оные были вынуты ему было неизвестно. Пошед же он Кайдалов от своего слопешника домой и усмотрел дьячкова сына Алексея и начал ему добросовестно говорить, на что де крадите из слопцов тетери, и означенный дьячков сын начал его ругать всячески, поелику он Кайдалов не стерпя его Алексея Тверитинова бранных слов, коего и потряся за волосы не душевредно, а после обеда пришли в церковь на славословие Божие к вечерне, и по окончании службы дьячек Тверитинов вышел из Церкви и на церковном рундуке обступил меня с детьми Василием, Яковом и Алексеем и бранил меня всячески, выговаривал. Для чего де ты сына моего бил, а наконец начал дьячек Тверитинов меня Кайдалова бить

по бокам и по рожге, мало что и глаза не выбил, и два крат принимался меня бить, при котором битии были из ясашных Прокофей Ганкин, Симон Чертаков, Иван Коркин и все сие показал он по сущей справедливости в чем и утвердился» [8]. Присутствовавшие при драке свидетели подтвердили, что дьячок Тверитинов бранил Осипа Кайдалова и бил по бокам, но чтобы по лицу, они не видали.

Тобольская духовная консистория разобралась в том, что Кайдалов обвинил Тверитинова не из сострадания к обиженной остячке Пынжиной, а вследствие ссоры из мщения, и т.к. Кайдалов был зачинщиком драки, то был присужден к штрафу в 10 рублей на богадельню. Алексея Тверитинова за битье Осипа Кайдалова наказали 25 поклонами в церкви в течение месяца ежедневно с прибавлением, что если он будет уличен в дурных поступках, то будет отдан в военную службу.

Выявленные документы свидетельствуют об усвоении священниками у аборигенного населения традиционных добывающих промыслов, ведении торговли пушниной, имущественных спорах в своей среде.

Использованные источники:

ТГА (Тобол. гос. арх.). Ф. 156. Оп. 4, Д. 577, Л. 1.

Там же. Ф. 156, Оп. 4, Д. 577, Л. 3.

Там же. Ф. 156, Оп. 4, Д. 841, Л. 1–10.

Там же. Ф. 156, Оп. 4, Д. 2366, Л. 4–5.

Там же. Ф. 156, Оп. 4, Д. 2361, Л. 1а–3.

Там же. Ф. 156, Оп. 5, Д. 42, Л. 1–2.

Там же. Ф. 156, Оп. 5, Д. 42, Л. 4–4.

Там же. Ф. 156, Оп. 5, Д. 42, Л. 5–5.

История открытия и разработки Ханты-Мансийского нефтяного месторождения

Чихарев Александр Васильевич

Имеется целый ряд месторождений Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, которые у всех «на слуху»: Самотлорское, Федоровское, Холмогорское, Сургутские и т.д., но о мелких месторождениях, если они не первооткрыватели (Шаимское, Березовское газовое), известно меньше.

Часто открытию месторождений способствовал ряд факторов. Например, открытию Березовского месторождения – разработанная программа опорного бурения в стране. Но опорная скважина должна была быть пробурена далеко не в Березово, а на р. Казым. И даже когда бурение скважины было перенесено по согласованию с вышестоящим начальством в Березово, скважина должна была быть не на том месте. Причины бурения на незапроектированном месте тривиальны: нехватка сил и средств (техники, времени и т.д.). В другом случае скважина бы оказалась в нефтегазовом отношении бесперспективной.

Открытие месторождения в каком-либо районе вызывало определенный бум в разведке. Так, например, открытие Березовского месторождения в 1953 г. способствовало развороту начавших сворачиваться геологоразведочных работ в округе¹. Образовались Березовская, Нарыкарская, Шурышкарская, Ханты-Мансийская² и другие экспедиции. В планы очередной пятилетки входило строительство газопровода Игрим – Серов.

Открытие нефтепроявлений в Шаимском районе в 1959 г. заставило перебросить геологоразведочные силы на юго-запад округа: возникли Кондинская, Правдинская и другие экспедиции.

В 1961 г. совершилось эпохальное открытие нефти в Широтном Приобье; тут к Сургутской добавились Усть-Балыкская, Мегион-

¹ Плывшие на юг в Казахстан с Севера баржи с техникой и аппаратурой были остановлены и возвращены назад, правда, для этого они должны были зиму простоять под Тобольском.

² Во всех случаях, кроме оговоренных, будут иметься в виду нефтеразведочные экспедиции, до 1965 г. – комплексные.

ская, Аганская, Ваховская и Ноябрьская экспедиции, а Сургутская и Мегионская разделились на две: Восточно-Сургутскую и Восточно-Мегионскую. Все силы были направлены на Широтное Приобье. Так, в Кондинской экспедиции в 1971 г. было две буровые бригады, в 1972–1973 гг. осталась одна, а позже исчезла и она. На разведочном бурении к западу от линии Обь-Иртыш работала тогда еще слабая Красноленинская экспедиция и заезжие буровые бригады из Белоруссии и с Урала (г. Свердловск). Но в 1980 гг. подготовленных площадей в Широтном Приобье для разведки перестало хватать. Прошла реорганизация и в разведочном бурении: нефтеразведочные экспедиции группировались в объединения, в которых появлялись специализированные экспедиции (вышкомонтажные), партии (промысловой геофизики), строительные и транспортные предприятия.

Для поисков нефти на западе округа в 1981 г. было организовано объединение «Хантымансийскгеофизика», в которое вошли существовавшие ранее Правдинская, Красноленинская и вновь созданная Назымская экспедиции.

Но несколькими годами раньше производился переход части сейсморазведочных партий Ханты-Мансийского геофизического треста (ХМГТ) на работу с невзрывными источниками. Для этой цели в Канаде была закуплена аппаратура, главной частью которой были вибраторы. Руководящий и инженерно-технический персонал прошел учебу и стажировку в США. В один из зимних сезонов конца 1970 гг. были отработаны три профиля возле Ханты-Мансийска. Но так как эту технику берегли как зеницу ока, то требования к профилям были жесткими: ширина просеки для профиля не менее 4 м, изломы профилей – не более первых градусов. Такие требования не совпадали с принципом охраны зеленых массивов вокруг столичного города, поэтому, найдя какую-то просеку в лесной части и отработав по ней один профиль, два других профиля отработали в пойменной части р. Оби. Обь в широтной ее части распадается на несколько протоков (к примеру, Юганская Обь), особенно перед впадением в нее Иртыша. Одной из таких протоков является Неулева. Не доходя немного до черты Ханты-Мансийска, она делает узкую петлю на юг, к так называемому Горелому мысу надпойменной залесенной террасы. Боясь утопить вибраторы, отработали два профиля под острым углом, вершина которых была привязана к южной оконечности петли протоки Неулевой.

Обработку полученного материала вели под руководством тогда еще молодого геофизика, недавнего выпускника Тюменского индустриального института Владимира Александровича Киселева. В результате было выделено небольшое куполовидное поднятие прямо над пересечением этих профилей. Куполовидное поднятие было небольшой амплитуды и вдобавок весьма недостоверно. Вряд ли оно в то время поступило бы в разведку.

Но в это время образовалась в Ханты-Мансийске Назымская нефтеразведочная экспедиция (начальник – Р. З. Бадретдинов), которой требовалась площадь, не слишком удаленная от базы экспедиции. И в феврале 1982 г. началось бурение скважины Р-3 на Ханты-Мансийской площади³, недалеко от так называемого Горелого мыса, расположенного ровно на полпути между г. Ханты-Мансийском и с. Шапша, если ехать по обской пойме. К Дню геолога в 1982 г. в газете «Тюменский геолог» была опубликована статья о том, что завершается бурение этой скважины, которое послужило хорошей школой для становления как буровой бригады, так и экспедиции. Осталось пробурить несколько десятков метров и переезжать на другую площадь (подалее), ничто не предвещало открытия... Но 3 апреля окружная газета, тоже посвящая Дню геолога статью В. Загваздина «В земные глубины», пишет: *«Ну а что же Р-3? Пока она не обещает нефти, но поисковики не унывают. На то и разведка. Бригада уверена: все равно повезет».*

О том, что произошло позже, рассказала 22 апреля на первой странице газеты «Ленинская правда» заметка Валентины Патрановой под интригующим названием «Месторождение? Возможно...».

Открытие вызвало в округе и за его пределами небывалый ажиотаж. Срочно прилетел начальник Главтюменьгеологии Ф. К. Салманов, и сразу изменились планы на следующий полевой сезон у геофизиков Ханты-Мансийска.

Будучи в то время начальником отряда сейсмопартии, я получил задание перебазировать отряд к окончанию зимнего сезона в заброшенную д. Сугунчум на берегу одной из протоков Оби в связи с открытием в том месте 29 марта 1982 г., как выяснилось позже, круп-

---

³ Не путать с Ханты-Мансийской структурой, которая находится в 40 км восточнее и открыта сейсморазведкой раньше.

ного Приобского месторождения (приуроченного к неструктурным ловушкам в пластах неокома клиноформного строения)⁴. Но срочно изменился маршрут перебазировки на Ханты-Мансийскую площадь, в с. Шапша. На эту же площадь перебазировалась, но уже водой и на другую сторону Иртыша сейсморазведка № 12. Но и этого оказалось мало. В то время только начиналось связанное с широким внедрением в обработку сейсморазведочных данных ЭВМ освоение метода трехмерной сейсморазведки, позже названное как сейсморазведка ЗД. Она и была поставлена силами созданной в рамках Главтюменьгеологии сейсморазведочной экспедиции для освоения и разработки новых методик поисков и разведки нефтяных и газовых месторождений.

Сюда же пришла во второй половине полевого сезона партия той же экспедиции, работавшая одним из старых методов сейсморазведки, так называемой КМПВ, правда, в новейшей модификации. Двумя профилями подсекла она ожидаемое месторождение. Здесь же работали партии Туринской экспедиции, ставившие высокоточную гравиразведку и одну из модификаций электроразведки.

Южнее на несколько сот метров была пробурена скважина Р-5, которая дала почти такой же приток нефти.

Привлечение сил научных институтов Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Тюмени и других дало следующие результаты:

1. Выделение в низах юрской системы горелой свиты (по названию Горелого мыса возле Р-5).

2. Строительство небольшого нефтепровода от скважины Р-5 до речпорта г. Ханты-Мансийска.

3. Разбуривание в 1982–1986 гг. Ханты-Мансийской площади (до 20 скважин, в большинстве – пустых или открывших непромышленные залежи). Сплошной пессимизм. Демонтаж нефтепровода.

4. 1990 гг. Работа скважины Р-5 по обеспечению котельных г. Ханты-Мансийска топливом.

5. Кропотливое изучение месторождения геофизическими методами в 1990-е и 2000-е гг.

6. Появление перспективы освоения и разработки высокодебитного небольшого месторождения. Возможность открытия в окрестностях Ханты-Мансийска аналогичных месторождений.

---

⁴ Открытие Ханты-Мансийского месторождения немного задержало разведку Приобского месторождения.

Четверть века за полярным кругом.

Г. И. Бардин – жизнь и творчество

Берендеева Светлана Петровна

Жизнь Геннадия Ивановича Бардина (1932–1998 гг.) на первый взгляд ничем не отличается от жизни многих его соотечественников. Родился, учился, работал. Это на первый взгляд... Море, Арктика и Антарктика стали частью не только его биографии, но и всей жизни.

Г. И. Бардин – автор более 150 научных и научно-публицистических статей, научно-популярной книги «От Чукотки до Антарктиды», 5 документальных фильмов об Югре и ее людях; кандидат географических наук, Почетный полярник. В конце 1960 гг. защитил диссертацию на тему «Исследования зимних атмосферных процессов северной Якутии с помощью ЭВМ и возможностью прогноза погоды на 3-5 суток».

«Ханты – народ таежный, промысловый. Геннадий Иванович Бардин также ханты, но «неправильный», т.к. с детства мечтал не об охоте и рыбалке, а о море. Он не только окончил с отличием Ленинградское высшее морское училище имени адмирала Макарова, но стал еще и полярником. Единственным в своем роде, ибо нет больше среди аборигенов и даже старожиллов ни моряка, ни полярника-ученого», – пишет журналист окружной газеты «Новости Югры», близкая подруга Геннадия Ивановича Альбина Сергеевна Глухих [4].

В своей автобиографии Г. И. Бардин скромно писал: *«После окончания подготовительного отделения Ленинградского университета пришло время выбирать профессию, дорогу, по которой идти дальше. Я выбрал Ленинградское высшее морское училище имени адмирала Макарова. Так я, сын ханты, стал синоптиком».*

Увлечение морем и Арктикой у ребят 1940 гг. началось с папанинцев, Чкалова. Геннадий Иванович не просто мечтал о море, он им бредил. Всегда носил бескозырки, матроски, в детских играх он был капитаном. Был случай, когда наш герой попытался сбежать в Тобольскую школу юнг, но мать успела «выловить» его среди пассажиров до отхода парохода. Тогда он решил поступить в фельдшерско-акушерскую школу. Получив профессию фельдшера, он мог бы работать медиком на морском судне, но во время вступительных экзаменов заболел. Пришлось продолжать учебу в школе [2].

После окончания 8 класса Г. И. Бардин, как многие дети коренной национальности, был направлен в Ленинград для поступления на 2 курс подготовительного отделения Ленинградского университета. В 1950 г. окончил его с серебряной медалью.

В своих воспоминаниях Геннадий Иванович писал: *«Получив деньги на одежду и питание, большинство студентов купили себе костюмы, пальто и даже шляпы. И стали выглядеть приятно одетыми и незаметными в общей массе ленинградцев. Я, конечно же, пошел другим путем. Узнав о «барахолке», поехал на Обводный канал в поисках заветной морской формы. Быстро выведав, чего мне нужно, ко мне приклеились два подозрительных небритых типа. У одного из ворота рубахи выглядывала застиранная тельняшка, и я им целиком доверился, думая про себя: «Моряки не подведут!». Через какой-нибудь час я был полностью экипирован: роскошная мичманка с белым кантом и золотым крабом, широченные брюки клеи, полосатая тельняшка, строгий китель, настоящая синяя шинель с якорями на желтых блестящих пуговицах и флотский кожаный ремень с огромной латунной бляхой. По программе были предусмотрены ботинки, но на них уже денег не хватило. Расплатившись, страшно довольный я поехал в свое общежитие, ликуя и чувствуя себя бывалым «мариманом». В трамвае постоянно оглядывался, какой я произвожу эффект, но, к сожалению, никто не обращал внимания. Зато дома студенты-восточники падали и хватались за животы, поскольку у меня был нелепый вид, особенно грязно-белые парусиновые туфли, завершавшие наряд. Но я парил в облаках. Я был недосыгаем, искренне считая, что они ведут себя так от зависти. Расплата наступила в тот же вечер, когда пошел дождь. Моя шикарная шинель отчего-то стала буреть, постепенно превращаясь в обыкновенную серую солдатскую...» [2].*

О его увлечении знали не только сверстники, но и преподаватели. По совету преподавателя математики Марии Карповны Орбели Геннадий Иванович стал заниматься точными науками. Она говорила, что без точных наук не может состояться ни моряк, ни летчик. В отличие от Геннадия Ивановича его друг эскимос Юрий Анко мечтал о карьере летчика.

Г. И. Бардин не сдался и нашел выход даже в той сложной ситуации, когда медицинская комиссия не допустила его из-за зрения. Справиться с этим сложным вопросом ему помогли декан подготови-

тельного отделения М. Г. Воскобойников и директор музея Арктики и Антарктики И. М. Суслов.

Упрямый хантыйский парень все-таки поступил в Высшее арктическое морское училище им. адмирала Макарова на гидрометеорологический факультет и сразу же стал заниматься наукой. Первая научная работа, написанная в студенческие годы, – о штормовых ветрах в проливе Лонга, что отделяет остров Врангеля от материка.

Окончив училище, молодой синоптик выбрал для работы полярную станцию в бухте Сомнительная острова Врангеля, мечта сбылась, дорога в море открыта.

Президент Географического общества СССР академик А. Ф. Трешников писал: *«После наших встреч в Антарктиде и совместной работы в Арктическом и Антарктическом научно-исследовательском институте мне довелось принять участие в судьбе Геннадия Ивановича, рекомендовав его на должность начальника двадцать первой Советской Антарктической экспедиции вместо ранее предложенной ЮНЕСКО продолжительной научной командировки в Канаду»* [1].

За скупыми словами ученого – опыт работы полярного исследователя почти в четверть века, жизнь, полная трудностей и приключений. Бардин работал рядовым инженером-синоптиком, много лет руководил Певекским территориальным управлением по гидрометеорологии и контролю природной среды. Затем – начальником нескольких полярных антарктических станций.

Удивительный мир снегов и льдов Арктики, мужественных людей, посвятивших свою жизнь служению Северу, с любовью и юмором Геннадий Иванович описал в книге «От Чукотки до Антарктиды: записки полярного синоптика» (Сургут, 1993).

Хантыйский писатель Еремей Айпин писал: *«Когда я прочитал книгу Геннадия Бардина, возникло чувство прикосновения к чуду. Чудо и Чукотка, и Антарктида!.. Сколько в этих словах тяжелого труда, горьких лишений, холода, мужества и поэзии! Сколько притягательной силы! Сколько любви и мечты!*

Автор наделен Божьим даром и как литератор, и как ученый-организатор. Ведь без этого небесного дара, полагаю, невозможно пройти путь от рядового синоптика до начальника всей Советской Антарктической экспедиции на ледяном континенте. Хороши в книге пингвины,

альбатросы, собаки, океанские лайнеры, самолеты, антарктические поселки, морозы, южный полюс и льды, льды и льды. Но особым вниманием автора согреты люди, его товарищи по зимовкам» [2].

В книге описаны всевозможные случаи, приключения, встречи, сотрудничество с учеными разных стран, о чем свидетельствуют многочисленные фотографии, письма, дневники, публикации ученого, переданные им в отдел научной библиографии и литературы Обско-угорского института прикладных исследований и разработок.

Ему посчастливилось заниматься спасением серых калифорнийских китов у мыса Барроу, что на севере Аляски, встречаться с писателями, сотрудничать с командой французского ученого Жак-Ива Кусто.

Французские ученые проводили подводные исследования, искали следы дерева араукарии, росшего в Антарктиде 10 миллионов лет назад. Г. И. Бардин писал: *«Это дерево растет в ботанических садах Южной Америки, но чтобы найти его следы на ледовом материке... Фантастика! И все же наш биолог обнаружил отпечатки крупных, узких листьев с зубчиками. И не только следы араукарии, но даже нашли мумие».*

Сколько могло быть интересных и полезных встреч, всевозможных приключений и побед, если бы не болезнь, из-за которой Геннадия Ивановича «списали на берег».

В 1991 г. был создан Научно-исследовательский институт национального и культурного возрождения обско-угорских народов в городе его детства Ханты-Мансийске. В мае 1993 г. его пригласили на должность заместителя директора по науке. Он многое сделал для укрепления связей, повышения авторитета института в научном мире. Вел активную пропаганду здорового образа жизни, занимался исследованием истории края. Одной из примечательных работ академика Бардина является исследование творчества Хрисанфа Мефодьевича Лопарева. «Златоцвет земли Югорской» – под таким названием опубликована статья в журнале «Югра» (1997. № 7) и предисловие к книге Хрисанфа Лопарева «Самарово, село Тобольской губернии и округа: хроника, воспоминания и материалы о его прошлом» (Тюмень, 1997).

Наполовину этот человек ничего не делал. Он был предан профессии, друзьям, вере в Бога. Переехав из Ленинграда в Ханты-Мансийск, Геннадий Иванович перевез свою личную библиотеку, которую передал в дар институту.

В состав библиотеки наряду с научными изданиями, словарями по метеорологии, океанологии, экологии входят приключенческая литература, издания русских и советских классиков. Например, собрание сочинений М. Горького в 25 томах, Л. Пантелеева в 4 томах, А. Гиляровского в 4 томах, К. Паустовского в 8 томах, Н. В. Гоголя. Представлены книги из серии «XX век: Путешествия. Открытия. Исследования», например: А. Ф. Трешников «Закованный в лед»; А. М. Гусев «В снегах Антарктиды»; Ф. Дюма «В мире безмолвия»; Ж. И. Кусто, Д. Даген «Живое море»; В. К. Арсеньев «Дерсу Узала», «Сквозь тайгу»; Р. Амундсен «Южный полюс. Плавание «Франса» в Антарктиде 1910–1912» и другие интересные издания. На всех книгах присутствует экслибрис ученого.

Г. И. Бардин – профессор, четырежды академик. В 1980 г. за большой вклад в исследование Антарктиды Геннадий Иванович был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Использованные источники:

1. Бардин, Г. И. Встреча с Жак-Ивом Кусто / Г. И. Бардин // Полярная звезда. – 1986. – 11 янв. ; 18 янв.
2. Бардин, Г. И. От Чукотки до Антарктиды: записки полярного синоптика / Г. И. Бардин. – Сургут : Сев. Дом, 1993. – 222 с.
3. Бардин, Г. И. Сибирское начало / Г. И. Бардин // Стерх. – 1993. – № 1. – С. 24–26.
4. Глухих, А. С. Начальник погоды – четырежды академик / А. С. Глухих // Новости Югры. – 1997. – 18 сент. – С. 2.

Старые карты как источник по истории Обь-Иртышского Севера в 1920 гг.

Гололобов Евгений Ильич

Север принадлежит к тем регионам, которые особенно нуждаются в непрерывном комплексном изучении с различных сторон, в т.ч. и с эколого-исторической. Без этого невозможно глубокое понимание проблем взаимодействия природы и человека, лежащих в основе современного экологического кризиса. Становится очевидным, что экологические проблемы Обь-Иртышского Севера нельзя сводить только к периоду активного освоения нефтяных и газовых месторождений. Индустриальное освоение Обь-Иртышского Севера во второй половине XX в. обострило уже существовавшие проблемы экологического характера. Исторический опыт (как положительный, так и отрицательный) использования человеком природных ресурсов на севере Западной Сибири полезен и необходим, т.к. может быть использован при разрешении многих новых и неизбежных конфликтов между природой и человеком в этом регионе.

Этим обусловлен интерес к изучению процесса взаимодействия природы и человека в различные исторические периоды. Начало XX в., в частности 1920 гг., является одним из важнейших исторических периодов взаимодействия человека и природы для понимания истоков современного экологического кризиса как в общегосударственном, так и региональном масштабе.

Именно в это время шел интенсивный поиск путей развития северных территорий, велико было стремление раскрыть потенциальные возможности региона, опираясь на научно обоснованное комплексное использование его ресурсов. *«Здесь (на Севере. – Е. Г.) по существу очередной задачей является комплексное всестороннее исследование, начиная с топографической основы страны и кончая формами материальной и духовной культуры ее населения»*, – писал в своей рукописи «Об очередных задачах изучения Севера и северных народностей» профессор С. А. Бутурлин в начале 1920 гг. [2]. В этот период было создано природоохранное законодательство. Государство взяло под свой контроль использование природных ресурсов и их охрану.

В 1920 г. бурно развивалось краеведение, занимавшееся в т.ч. «сбором документов природы и жизни» и изучением естественных производительных сил страны [1, с. 44, 45]. Местные органы власти были более свободны в своих решениях, касающихся регионального уровня [7, с. 125–127]. Центральные органы власти пытались учитывать предложения с мест.

Исторические аспекты природопользования на Обь-Иртышском Севере в 1920 г. – тема интересная, но мало изученная. Связано это с тем, что как самостоятельное направление в исторических исследованиях вопросы природопользования не рассматривались. Они изучались с той или иной степенью глубины в рамках экономической истории Обь-Иртышского Севера.

В распоряжении исследователя, занимающегося историко-экологической тематикой, имеется комплекс различных источников: законодательство, делопроизводственная документация государственных органов власти, хозяйственных органов и общественных организаций, так или иначе связанных с использованием природных ресурсов и их охраной, картографические материалы, периодическая печать.

Богатейшей источниковой базой для изучения проблем взаимодействия природы и человека на Обь-Иртышском Севере являются архивы Тюменской, Свердловской и Омской областей (ГУТО ГА в г. Тобольске, ГУТО ГА в г. Тюмени, ГАСО, ГАОО).

Интересными, но малоизученными источниками по истории природопользования являются старые карты. Давая пространственный образ местности в прошлом, они могут использоваться в качестве своеобразных «точек отсчета» по ряду показателей при определении скорости и направленности изучаемого специалистами явления, исследовании его динамики (например, уменьшение лесистости, возрастание эрозированности почв, развитие заболачивания территории при сведении лесов и т.д.). Для прогноза развития ландшафтов во времени требуется сравнить между собой состояние природы в определенные временные интервалы (десятилетия, столетия), что позволяет проследить динамику явления, выявить тенденции его развития.

В этой связи большой интерес представляет выявленная в фондах ГАСО Карта естественно-исторических районов Уральской области, составленная Б. Н. Городковым [4]. В специализированных библио-

графических справочниках 1920 гг. она отсутствует [6, с. 14–17], современные же разработки подобного рода охватывают более ранние периоды [3]. Таким образом, карта Б. Н. Городкова оказалась исключенной из научного оборота.

Карта содержит интересную информацию о природе региона в контексте ее использования человеком. На ней указаны ландшафтные зоны, северные и южные границы распространения лиственницы, сосны, ели, кедра, северная граница выращивания хлеба, отмечены удачные попытки развития земледелия севернее границы выращивания хлеба.

В 1920 гг. в состав Уральской области входил север Западной Сибири (современная территория ХМАО и ЯНАО). Он был очень слабо изучен в картографическом отношении. В указанный период картографированием сибирских территорий занимались: Академия наук СССР, Военно-топографическое управление, Переселенческое управление, Геодезический комитет ВСНХ, Гидрографическое управление, Геологический комитет, Народный комиссариат земледелия (Наркомзем), Народный комиссариат путей сообщения (Наркомпуть).

По мнению специалистов, внимания заслуживали карты военного ведомства и Геодезического комитета ВСНХ, съемки остальных учреждений в картографическом отношении были неудовлетворительными [5, с. 560].

Карт удовлетворительного качества по северу Западной Сибири, изданных до второй половины XX в., крайне мало, что делает обнаружение работы Б. Н. Городкова еще более ценным. Несомненно, возвращение Карты естественно-исторических районов Уральской области 1924 г. в научный оборот позволит расширить информационную базу для изучения природы региона и ее использования человеком в XX в. Возможно, она послужит отправной точкой для осуществления междисциплинарных исследований историко-экологического характера.

Список источников:

Бурлыкина, М. И. Историческое краеведение. Ч. 1. История краеведческого движения в России : учеб. пособие / М. И. Бурлыкина. – Сыктывкар, 1999. – 67 с.

История научно-картографического изучения Сибири и Дальнего Востока XVII – начало XX вв.: (вторая половина XVII в. – 1995 г.) : библиогр. указ. лит. / авт.-сост. О. Н. Катионов. – Новосибирск, 1998. – 165 с.

Карта естественно-исторических районов Уральской области / [сост. Б. Н. Городков ; Науч.-техн. отд. ВСНХ, Гос. картография. – 1:5290000. – Л. : Изд-во Урал. обл. стат. бюро, 1924. – 1 л.

Картография и карты // Сибирская советская энциклопедия. – Новосибирск, 1931. – Т. 2. – 1151 с.

Коногоров, П. Ф. Картография Северной Азии (1917–1927 гг.) / П. Ф. Коногоров. – М., 1928.

Коржихина, Т. П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 – декабрь 1991 / Т. П. Коржихина. – М., 1994.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 471. Л. 3.

Жизненный путь членов семьи Максимовых-Скалозубовых: по материалам фондов Музея Природы и Человека

Сафонова Мария Александровна

«...Фамилия Скалозубовы явилась почетной» – так оценила Ариадна Васильевна Скалозубова историческую роль своей семьи в одном из писем к дочери Ариадне Николаевне. Письмо наряду со многими другими документами, иллюстрирующими жизненные пути членов одной семьи на фоне сибирской истории, хранится в фондах Музея Природы и Человека.

Максимовы, Скалозубовы, Голяновские... Они внесли неоценимый вклад в развитие агрономического комплекса Тюменской области в XX в. Многие избрали путь научно-исследовательской деятельности, получили степени кандидатов наук. Но этому предшествовала связь семьи с историей становления и развития классической русской живописи и общественно-политическими процессами, характерными для России конца XIX – начала XX вв.

Ил. 1. Николай Лукич и Ариадна Васильевна Скалозубовы с детьми

Личный архив семьи Максимовых-Скалозубовых – ценное достояние собрания фондов Музея Природы и Человека. Он поступил в музей в два этапа (в апреле и ноябре 2008 г.) через Тюменский региональный общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска» из личного собрания Е. И. Пискунова, проживающего в пос. Мелково Конаковского района Тверской области. Общее количество поступивших предметов составило 768 единиц. 549 предметов было принято на постоянное хранение. Второй комплекс предметов в количестве 218 единиц принят на временное хранение.

В основе семейного фонда Максимовых-Скалозубовых лежат архивно-документальные (письма, фотографии, рабочие рукописи) и изобразительные (этюды, наброски) материалы. Часть фонда составляют периодические издания и литературные источники, датируемые первой половиной XX в. Комплекс документов по хронологии преимущественно относится к 1930–1950 гг.

В состав фотофонда семейного архива входит более 200 фотоснимков, на которых представлены члены семейства Максимовых-Скалозубовых, их ближайшие и дальние родственники. Фотографии охватывают обширный временной отрезок – со второй половины XIX по начало XXI вв. На самом позднем фотоснимке 2008 г. изображен Е. И. Пискунов, родственник Максимовых-Скалозубовых, передавший их архив в Музей Природы и Человека. Фотофонд составляют подлинники и копии фотографий, на которых запечатлены как отдельные члены семьи, так и представители всего семейства в целом, отмеченные в разные периоды их жизни. Уникальными являются фотографии Николая Лукича Скалозубова, сделанные в 1906, 1908–1909 гг.

Редкостным собранием музейного фонда являются художественные работы известного в России художника-передвижника, мастера бытового жанра Василия Максимовича Максимова (1844–1911).

В. М. Максимов родился в крестьянской семье в д. Лопино Новгородской губернии. Рано лишившийся родителей, он был отдан в учение в иконописную мастерскую, где получил первые уроки живописи. В 1863 г. В. М. Максимов поступил вольнослушателем в Академию художеств. Пройдя академический курс за три года и отказавшись от заграничной поездки, он отправился изучать Россию и бедную русскую деревню. В 1872 г. Максимов вступил в Товарищество передвижных выставок, в 1878 г. получил звание академика.

В фондах Музея Природы и Человека представлены несколько типичных этюдов В. М. Максимова без названий. Они выполнены маслом на картоне и холсте, представляют собой пейзажные (Этюд. Кладбище. ХМ ВП-601/137) и портретные зарисовки (Этюд. Силуэты и портреты крестьян. ХМ ВП-601/138-139).

Ил. 2. Максимов В. М. Этюд. Холст, масло. 1880 г. ХМ ВП-601/138

У В. М. Максимова было четверо детей: Лидия, Ариадна, Вячеслав и Ювеналий, копии фотографий которых также представлены в музейном фотофонде (фотопортреты Л. В. Дорофеевой (Максимовой) и ее детей, жены Ю. В. Максимова с сыном Володей и т.д., относящиеся к концу XIX в.).

Часть документов и изобразительных источников связана с именем Ариадны Васильевны Скалозубовой (1870–1955). Архивные материалы позволяют восстановить многие страницы истории семьи.

Около 80 набросков и этюдов А. В. Скалозубовой 1880–1950 гг. хранятся в фондах Музея Природы и Человека. Работы представляют собой карандашные зарисовки на бумаге либо натюрморты, пейзажи, портреты, выполненные маслом на холсте, бумаге или картоне. Большинство из них без названия, часть с подписями: «В лесу» (1885), «Последний снег» (1940-е), «Первый урок» (1942) и т.п. Отдельное место занимают

сюжеты из жизни опорного пункта, виды Ханты-Мансийска: «Дорога в Самарово» (1939), «Ханты-Мансийский с/х опорный пункт» (1939), «Ханты-Мансийск. Около больницы» (1939) и т.д. В коллекции ИЗО представлен ее «Автопортрет» (техника: бумага, карандаш, акварель. ХМ ВП-601/151), сделанный ею в пожилом возрасте.

В коллекцию документов А. В. Скалозубовой входят записи личного и служебного характера, обширная переписка 1930–1950 гг. с детьми, внуками, знакомыми, коллегами.

В музейном собрании «Редкая книга» можно выделить уникальные брошюры, связанные с именем Николая Лукича Скалозубова (1861–1915).

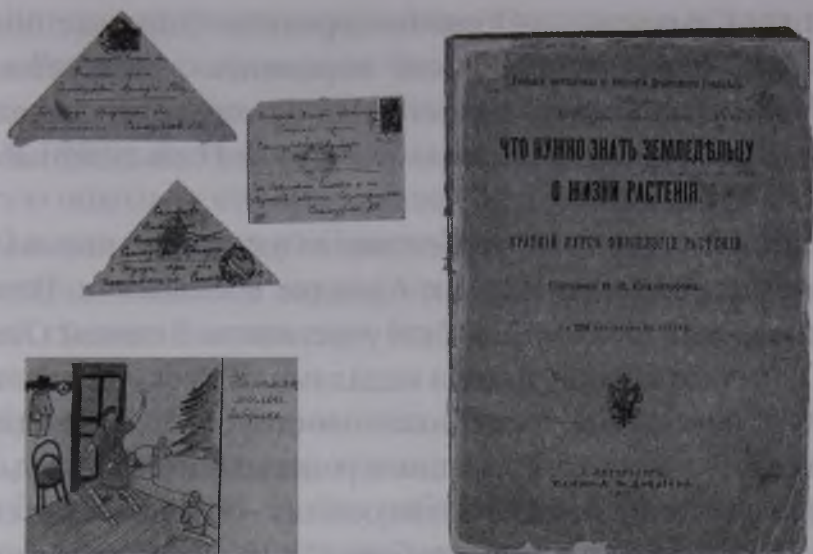
Н. Л. Скалозубов был первым губернским агрономом, крупным ученым, общественным деятелем, музейным работником, известным в Западной Сибири. Документы, связанные с его именем, хранятся в архивах Тюменской, Омской, Костромской, Курганской, Московской областей, Санкт-Петербурге. Часть материалов вошла в состав фонда Музея Природы и Человека. Памяти Н. Л. Скалозубова посвящены брошюры, изданные после его смерти:

1. Гордягин, А. Памяти Н. Л. Скалозубова. Приложение к протоколам заседаний Общества Естествоиспытателей при Императорском Казанском Университете № 312. – Казань : Типо-литография Императорского Университета, 1915.

2. Мальцев, А. Николай Лукич Скалозубов // Оттиск из «Трудов Бюро по прикладной ботанике». – VIII. – № 7. – Юрьев : Типография К. Матгисена, 1915.

В фонде письменных источников содержатся вырезки газетных статей 1960-х гг., посвященные Н. Л. Скалозубову и раскрывающие факты его биографии: Н. Устюжанин «Первый селекционер Сибири», А. Можаяев «Уездный статистик: Рассказ о Н. Л. Скалозубове», А. Новокрещенов, А. Можаяев «Тимирязевцы в Красноуфимске».

У Николая Лукича и Ариадны Васильевны было шестеро детей (Юрий, Николай, Ариадна, Анна, Надежда, Людмила), четверо из них пошли по пути родителей, став агрономами. Например, Ариадна Николаевна Голяновская (1897–1978). В семейном фонде Максимовых-Скалозубовых хранятся рукописи ее рабочих записей, конспекты книг, статей, личная переписка с матерью и другими членами семьи, письма, почтовые карточки 1940–1950 гг.

*Ил. 3. Письменные источники из семейного собрания
Максимовых-Скалозубовых*

А. Н. Голяновская (Скалозубова) родилась в Тобольске. В 1915 г. в Тюмени с золотой медалью окончила гимназию, после чего добровольно записалась в действующую армию сестрой милосердия, три года проработала в военном госпитале. Некоторое время жила в Костроме. В 1922–1927 гг. А. Н. Голяновская училась на агрохимическом отделении Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева, работала под руководством академика, главы агрохимической школы в стране Д. Н. Прянишникова. В 1927–1932 гг. она трудилась практикантом на опытном поле Сельхозакадемии, была ассистентом Зернового института, старшим научным сотрудником Всесоюзного научно-исследовательского института удобрений и агропочвоведения.

В 1937 г. Ариадна Николаевна из Москвы была направлена в Самарово на Остяко-Вогульский опорный пункт Наркомзема РСФСР (с 1950 г. – Ханты-Мансийская опытная сельскохозяйственная станция). Там она заведовала отделом растениеводства. Во время войны А. Н. Голяновская после ухода действующего директора в Красную Армию заместила его на этой должности.

В семейный фонд Максимовых-Скалозубовых входит комплекс фотографий. В основном это сюжетные фотоснимки 1930 гг.: «Опорный пункт, парники», «Макет зерносушилки», «Каньон по добыче

земли вблизи Самарово», «Образцы сорняков. Опытные поля разно-
травья опорного пункта», «Ремонт коровника», «Капустное поле»,
«Контрольное взвешивание зерен» и т.п. Фотографии позволяют сде-
лать выводы об основных занятиях работников сельскохозяйственной
отрасли того времени.

В семейной переписке особое место занимают письма Виктора
Голяновского и его жены Нины к Ариадне Николаевне. Виктор Кар-
лович Голяновский (1920–1988) был участником Великой Отечествен-
ной войны, награжден орденами и медалями. В письмах и телеграммах
1940–1950 гг. освещаются семейные новости, сообщения о перемеще-
ниях и отъездах, дается информация о родственниках, которые бывали
в Москве, выражается беспокойство о детях – Антоне и Евгении.

Надежда Николаевна Скалозубова (1899–?) – дочь Ариадны Ва-
сильевны и Николая Лукича Скалозубовых – работала библиотекарем
в библиотеке МГУ, была канцеляристом и архивариусом Министер-
ства мясомолочной промышленности. В фондах Музея Приро-
ды и Человека представлена ее переписка с матерью. В 1940-х гг.
Н. Н. Скалозубовой приходилось жить в коммунальной квартире «в
8 метров с картонными стенами». Она тяжело болела, долго не могла
найти работу, испытывала денежные затруднения. Она просила мать
разрешить продать часть рисунков В. М. Максимова, чтобы как-то
поправить материальное положение, на что согласия А. В. Скалозу-
бовой так и не получила.

Еще один комплекс письменных источников связан с именем из-
вестного селекционера, кандидата сельскохозяйственных наук Анны
Николаевны Скалозубовой (1902–1970) – дочери Ариадны Васильев-
ны и Николая Лукича Скалозубовых. Комплекс документов в основ-
ном представлен перепиской с матерью 1940-х гг.

А. Н. Скалозубова родилась в Тобольске. Училась в Тюменском
коммерческом училище вместе с сестрами. В 1920 г. уехала к матери в
Кострому. С детства Анна Николаевна мечтала стать агрономом, она
поступила в Москве на высшие сельскохозяйственные курсы, а потом
в сельскохозяйственную академию. Там она вышла замуж и на 12 лет
уехала работать в Якутию, где стала одним из организаторов первой
сельскохозяйственной опытной станции в с. Покровском, вывела пер-
вые якутские сорта яровой пшеницы.

В 1940 г. после смерти мужа Анна Николаевна уехала в Москву, оттуда – в Рязанскую область на Спасский сортоиспытательный участок. Затем ее направляют на опытную станцию в Тулун Иркутской области. В 1949 г. А. Н. Скалозубова уехала в Челябинск, оттуда – на Курганскую опытную станцию возле Шадринска, в 1956 г. – в Кулунду. С 1962 г. она работала на Северо-Кулундинской опытной станции. За большие достижения в науке и практике ее выдвинули на присвоение ученой степени доктора наук без защиты диссертации, от чего она отказалась.

В собрании фонда Максимовых-Скалозубовых в подборке писем 1950-х гг. раскрывается жизнь еще одного члена семьи – Людмилы Николаевны Багаевой (1906–?). Она работала в Ханты-Мансийском опорном пункте агрономом, младшим научным сотрудником. В ее семье познали тяжесть переездов по городам, долги и денежные проблемы, частую смену работы, как и многие Скалозубовы в первое послевоенное время. Но ее дух оставался крепким. *«Прежде всего, мы вместе, а это уже легче»*, – говорила она о своей семье. У Л. Н. Багаевой выросли 2 дочери – Татьяна и Ольга. Их детские и юношеские письма также входят в состав коллекции фонда Максимовых-Скалозубовых, как и письма их двоюродных братьев и сестер: Гайаваты, Тома, Антона, Кима, Льва, Аллы и других.

Собрание, поступившее в Музей Природы и Человека от Е. И. Пискунова, позволяет открыть для современников яркие страницы истории развития сельского хозяйства в Сибири, страницы личной истории людей. Пока архив семьи Максимовых-Скалозубовых остается малоисследованным, требуя дальнейшего всестороннего изучения и введения музейных коллекций в оборот.

Использованные источники:

Гордягин, А. Памяти Н. Л. Скалозубова. Приложение к протоколам заседаний Общества Естествоиспытателей при Императорском Казанском Университете. – № 312. – Казань : Типо-литография Императорского Университета, 1915.

Зубов, Н. А. Ариадна, дочь Ариадны / Н. А. Зубов // Подорожник : краевед. сб. – Тюмень : Вектор Бук, 2002. – Вып. 1. – С. 136–143.

Иваненко, А. С. Перерабатывающая база агропромышленного комплекса юга Тюменской области [Электронный ресурс] / А. С. Иваненко, В. Е. Иваненко // Налоги. Инвестиции. Капитал. – 2004. – № 5/6. – Режим доступа: <http://nic.pirit.info/200412/061.htm>.

Лазуко, А. К. Василий Максимов (1844–1911) / А. К. Лазуко. – Л., 1982.

Фонды Музея Природы и Человека (г. Ханты-Мансийск). Личная коллекция семьи Максимовых-Скалозубовых. ОФ ХМ-12665/1-260 : ХМ-12667-12679 : ХМ-601/1-218.

Максимов В. М. [Электронный ресурс] // Передвижники. ru : информ. интернет-изд. – Режим доступа: <http://peredvizhniki.ru/maksimov.html>.

Мальцев, А. Николай Лукич Скалозубов // Оттиск из «Трудов Бюро по прикладной ботанике». – VIII. – № 7. – Юрьев : Типография К. Маттисена, 1915.

Суринов, В. М. К биографии Н. Л. Скалозубова / В. М. Суринов // Исторический архив. – 1961. – № 6.

Ученые и краеведы Югры : биобиблиогр. слов. / Ханты-Манс. окр. б-ка ; сост.: В. К. Белобородов, Т. В. Пуртова. – Тюмень : СофтДизайн, 1997. – 350 с.

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БИБЛИОТЕК, МУЗЕЕВ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Развитие творческих способностей учащихся в процессе исследовательской деятельности в области краеведения

Пуртова Людмила Геннадьевна

Исследовательская деятельность является одной из наиболее перспективных форм обучения школьников в рамках образовательного процесса, потому как у школьников формируются умения и навыки, необходимые для самостоятельного получения и добывания знаний. В средней школе № 2 исследовательская деятельность учащихся организована в рамках школьного научного общества «Эрудит», которое функционирует с 1999 г. (руководитель М. А. Вахрушева). В ходе его деятельности решаются следующие задачи:

1. Развитие познавательной, творческой деятельности учащихся.
2. Обучение написанию исследовательской работы.
3. Развитие речевых и мыслительных навыков.
4. Обучение умению использовать различные источники, краеведческую информацию и научно-вспомогательные материалы.
5. Приобщение к миру прекрасного, воспитание уважения к народу, его обычаям, традициям, языку.
6. Воспитание духовности, нравственности.

Исследовательская деятельность – это творческий процесс, сотрудничество учителя и ученика. Она ведется по нескольким направлениям: техносфера, филология, сбережение здоровья, экология, но особое внимание и предпочтение отдается литературному и историческому краеведению.

Тематика представленных работ для защиты на школьной и городской конференциях «Молодые исследователи» в секции «Историческое краеведение» разнообразна. Например, под руководством

учителя истории В. Г. Жуковой учащимися подготовлены следующие работы:

1. История Земли нашей (к 80-летию Ханты-Мансийского района).
2. История советских немцев в судьбе моей бабушки.
3. Округ – фронту (по страницам окружной печати).
4. Судьба семьи в судьбе страны.

Под руководством Л. Г. Пуртовой, учителя русского языка и литературы, подготовлены к защите следующие работы по историческому краеведению:

1. События и судьбы в памятниках города Ханты-Мансийска.
2. Документы войны – живые свидетели истории (к 60-летию Победы).
3. Властелины Огня (история пожарной части № 75).
4. Урбанонимы как основная часть лингвистического портрета города Ханты-Мансийска.

Неоценимую помощь в получении необходимой информации и документов оказывают сотрудники Государственного окружного архива при непосредственном участии Л. В. Набоковой.

Для написания работ по литературному краеведению используются материалы краеведческого отдела Государственной библиотеки Югры, учитываются рекомендации и советы заведующей краеведческим отделом Т. В. Пуртовой. Любезно предоставляет материалы, ксерокопии документов Государственный музей г. Тобольска.

Тематика работ в секции «Литературное краеведение» (руководитель Л. Г. Пуртова) такова:

1. Лицеисты в Тобольске.
2. Чародей Сибири (к 190-летию со дня рождения П. П. Ершова).
3. Книга в руках подростка... («Мальчик без шпаги» С. Козлова).
4. Вогульский эпос о богатыре-освободителе Вазе.
5. Богатства «Малахитовой шкатулки» П. П. Бажова (к 130-летию со дня рождения).

Доклады молодых исследователей, причем с использованием слайдовых презентаций, – важная форма донесения информации, отчета о проделанной работе, наблюдениях, находках, собранных сведениях. Практическая направленность данных проектов огромная: материалы используются на факультативных занятиях, уроках развития речи, внеклассных мероприятиях, пополняют фонды школьной музейной комнаты.

Учащиеся-победители по итогам городской научной конференции становились участниками окружной конференции «Шаг в будущее». С каждым годом уровень подготовки учащихся и требования к их работам возрастают, труднее становится конкурировать с представителями других школ.

В 2008–2009 учебном году мы успешно вышли на всероссийский уровень. Работа Елены Имидеевой, ученицы 11 класса, на тему «Урбонимы как основная часть лингвистического портрета города Ханты-Мансийска» стала лауреатом 1-й степени во Всероссийском конкурсе «Юность. Наука. Культура» (руководитель Л. Г. Пуртова).

Работа Елены Колесовой, ученицы 11 класса, на тему «Проблемы малого бизнеса на примере колхозно-фермерского хозяйства «Богдашка» прошла заочный отборочный тур и на очной конференции «Шаг в будущее» в Москве заняла 3-е место (руководитель А. Ф. Грасмик).

Создав ребенку ситуацию успеха, радости, творчества, сам испытываешь внутреннее удовлетворение. В ходе работы обогащаешься знаниями, приобретаешь определенный опыт работы с источниками, заводишь новые знакомства, пропагандируешь наследие прошлого.

Хотелось бы остановиться на некоторых работах, в которых имеются интересные сведения, найденные учащимися.

Например, в работе «События и судьбы в памятниках города Ханты-Мансийска» Ирина Захарова рассказала о памятниках нашего города, которые являются отражением исторических событий, жизни и деятельности известных людей. Одна из задач – привлечь внимание общественности к данной проблеме, потому что после анкетирования учащихся 9–10 классов 2/3 респондентов ничего не слышали об истории создания памятников в городе и жизни героев или имеют смутное представление об этом. В главе «Памятники революции и Гражданской войны» она подробно остановилась на истории создания памятников борцам за установление Советской власти на Обском Севере, высказав мнение: нужна ли нам героизация?

В главе «Памятники Владимиру Ленину» ученица затронула вопрос об исчезновении памятника вождю, сообщила о полемике, которая велась на страницах газеты «Новости Югры» по этому вопросу, подчеркнув, что этот вопрос волнует многих жителей города. В главе «Памятники Великой Отечественной войны» автор рассказала о малоизвестных фактах из жизни Героев Советского Союза, переписке с матерью Героя России В. В. Бузиной, о встречах с сестрой бывшего выпускника

школы № 2 И. Шмони́на, сестрой К. П. Механо́шина, о переносе обелиска работникам рыбокомбината, погибшим в годы войны, на территорию средней школы № 2, о мемориальной доске бывшим выпускникам школы, погибшим в годы Великой Отечественной войны (обновленный обелиск открыт 4 ноября 2004 г.).

Большим достоинством работы является то, что автор по-новому преподнесла материал, который, к сожалению, нигде и никем не представлен в системе, полно, с фотодокументами.

Исследовательская работа Елены Имидеевой «Урбанонимы как основная часть лингвистического портрета города Ханты-Мансийска» позволила более подробно увидеть портрет города с точки зрения лингвистики и познакомиться с историей названий и переименований улиц.

В главе «Топоним «Ханты-Мансийск»» ученица подробно рассказала о возникновении данного топонима, перечислив длительный путь переименований города. В главе «Константные и переменные величины урбанонимов» автор сообщила о том, когда присваивались и переименовывались названия улиц города. Грамотно использованы и переработаны архивные документы и периодическая печать. В главе «Агоронимы города Ханты-Мансийска» рассказывается о названии площадей, в главе «Планарные урбанонимы города» – об официальных и неофициальных названиях городов и районов.

Автор подняла важную проблему, в работе содержится много интересных приложений. Результатом работы стал выпуск брошюры «История улиц города Ханты-Мансийска», которая, мы надеемся, будет полезна широкому кругу читателей.

Заслуживает внимания работа Анны Кайгородовой «Наши земляки в Антарктиде» (руководитель – учитель географии М. А. Вахрушева), которая посвящена 50-летию начала научных исследований Антарктиды. Были ли среди 17 тысяч полярников, изучавших южный материк, наши земляки? В результате поиска ей удалось следующее: выявлены имена хантымансийцев, побывавших в Антарктиде (это выпускники школы № 2 А. П. Сивков и Я. Соломин; выпускник школы № 1 Г. И. Бардин и ныне заведующий окружной больницей восстановительного лечения А. Б. Кетриц), собраны сведения, касающиеся антарктических экспедиций, изучены биографии их участников.

Решить поставленные задачи помогли:

- работа с архивными материалами и материалами окружных газет «Ленинская правда», «Новости Югры»;

- встреча с заведующим окружной больницей восстановительного лечения А. Б. Кетрицем;

- знакомство с воспоминаниями и фотографиями А. П. Сивкова, ныне живущего в Санкт-Петербурге, а также его родственников;

- переписка с Я. Соломиным, предоставившим фотоматериалы.

Ученица пришла к выводу, что каждый из наших земляков внес свою лепту в исследование южного материка, т.к. это люди разных профессий: синоптик, врач, гляциолог, геодезист. У каждого была своя дорога в антарктическую экспедицию.

Ярослав Соломин с флагом ХМАО – Югры на станции «Прогресс» в Антарктиде

Становление и развитие системы библиотек на территории современного Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Волженина Светлана Юрьевна

В условиях национальной автономии, имеющей специфические характеристики (географическая удаленность, климатические особенности, недиверсифицированный характер экономики и т.п.), место библиотек и их исторический путь имеют свои особенности.

Наиболее яркими из них являются:

- появление первых библиотек на территории Югры в XVII в., сначала – церковных, затем – библиотек учебных заведений и общедоступных, что подтверждает общие социокультурные тенденции в мировом процессе образования библиотек;

- значительное отставание от исторического процесса образования библиотек в России;

- отсутствие крупных общедоступных и научных библиотек на территории округа вследствие более позднего, чем в стране в целом, периода создания городов и открытия учебных заведений. Старейшие города на территории округа – уездные Березов, Сургут – ведут историю с XVI в., первые НИИ и вуз в округе появились в 1960 гг.;

- отсутствие центральных специальных и профилированных на обслуживание конкретных групп читателей (слепых и слабовидящих, детской, юношеской) библиотек и соответствующих сетей. Библиотеки подобных типов создавались в стране в 1960–1970 гг., когда социальная политика в округе была ориентирована на вахтовую схему использования рабочей силы, социально-культурный комплекс развивался непропорционально;

- начало библиотечного строительства на территории округа приходится на 1930 гг. – период образования национальной автономии, подъем на 1960–1970 гг. – период промышленного освоения, т.е. в целом периоды изменений в отрасли исторически обусловлены процессами, происходящими в обществе;

- этнические, географические особенности территории наложили свой отпечаток на историческое развитие отрасли, что выразилось в

значительном росте числа библиотечных пунктов в период промышленного освоения, преобладании комплексных учреждений культуры в первые годы советской власти;

- значительная роль личности (подвижников, энтузиастов, меценатов) в истории отрасли, благодаря которым открывались первые библиотеки.

Перечисленные особенности являются в значительной мере синтезом различных тенденций регионального развития. Поэтому исследование исторических закономерностей, оказавших прямое влияние на современное состояние библиотечной отрасли Югры, имеет значение для истории отрасли страны в целом и изучения особенностей социально-экономического развития специфического северного региона.

Прежде чем мы перейдем к анализу источниковой базы исследования, необходимо пояснить, история какой *географической единицы* будет рассматриваться. Поскольку современная территория Ханты-Мансийского автономного округа – Югры как самостоятельная административно-территориальная единица была выделена в первой половине XX в., исторически в своей работе мы будем рассматривать территорию Югры в границах современного округа, которая с конца XVI в. входила в разные административно-территориальные деления.

Несмотря на сравнительно небольшой исторический период существования отрасли в регионе, нельзя признать вопрос изученным. Хотя изучением истории библиотечной отрасли на макро- и микроуровнях занимаются теоретики и практики библиотечного дела достаточно давно.

Источниковой базой исследования вопроса явились документы по истории библиотечной отрасли государства, Сибири в целом и региона, в т.ч. ранее неопубликованные. К ним относятся документы ГУТО ГАСПИТО и неопубликованного архива Государственной библиотеки Югры.

В работе использованы опубликованные источники, которые могут быть сгруппированы по ряду признаков.

Среди признанных авторов, занимавшихся историей библиотечного дела в России, – К. И. Абрамов, В. Е. Васильченко, Б. Ф. Володин. Исследователи из ближайших региональных научных центров

(гг. Новосибирск, Екатеринбург, Тюмень), занимающиеся изучением вопросов, в первую очередь, истории книгоиздания, лишь схематично затронули в своих трудах историю библиотечного дела региона (Е. Н. Коновалова, В. Н. Волкова). Известный многотомник ГПНТБ СО РАН «Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока» рассматривает историю библиотек, но в более широком географическом контексте (Сибирь и Дальний Восток) и вследствие малой изученности истории отрасли региона приводит лишь несколько фактов.

Поскольку библиотечное дело в дореволюционный период носило преимущественно церковный характер, история отрасли связана с историей христианизации Севера. Значительная информация о книжных церковных и учебных собраниях епархиальных заведений представлена в сочинениях, посвященных этой теме. Изучением монастырских библиотек, в т.ч. Тобольского Севера, занимались И. А. Гузнер, А. Т. Шашков, С. А. Белобородов.

Из публикаций справочного характера можно назвать статьи энциклопедии «Югория», в которой есть как обзорные аналитические материалы, на наш взгляд, содержащие некоторые противоречия в информации, так и персональные статьи и статьи, посвященные отдельным библиотекам.

Региональные вузы в настоящее время активно занимаются исследованием истории округа, его социокультурной сферы в определенные исторические периоды (колонизации, промышленного освоения), особенно значителен вклад Сургутского государственного университета (М. И. Ташлыкова, А. И. Прищепа, Н. Ю. Гаврилова), Тюменского государственного университета (публикация документов в серии «Сибирский раритет»). Ценными источниками информации являются публикации Музея Природы и Человека (г. Ханты-Мансийск).

Большой вклад в изучение истории отрасли округа вносят библиотекари-практики. Государственная библиотека Югры и муниципальные библиотечные системы г. Сургута и Сургутского района, проведя большую исследовательскую работу, подготовили самостоятельные издания, посвященные истории отдельных библиотек и населенных пунктов. Региональный конкурс творческих работ по истории библиотечной отрасли «Историю пишем сами» (2004, 2006, 2008 гг.) выявил желание сотрудников общедоступных библиотек заниматься

исследованием собственной истории. Но этот же конкурс выявил и некоторые отрицательные моменты: недостоверность многих приводимых данных, особенно тех, что основаны на записях воспоминаний, легковесное отношение к фактам, субъективность оценок авторов работ, неумение провести параллель между историческим фоном и изменениями в отрасли или отдельной библиотеке.

Рассмотрение истории отрасли будет осуществляться в контексте истории страны, региона, каждый этап которой обусловлен изменениями в жизни общества. Поскольку и в настоящее время проблема периодизации истории библиотечного дела является дискуссионной, мы будем придерживаться периодизации, принятой региональной энциклопедией «Югория»¹, и рассмотрим *первый этап – возникновение первых библиотек (период до 1917 г.)*.

Присоединение в конце XVI в. Сибири к России нужно рассматривать как значительный импульс в развитии региона во всех сферах, в т.ч. в библиотечном строительстве. По мере продвижения русских служилых людей в Сибирь образовались города, остроги, к ним приписывались прилегающие территории (уезды). В 1593 г. появился Березов, в 1594 г. – Сургут, которые были основаны как остроги.

Первоначальное население русских городов Тобольского Севера состояло из служилых людей, священнослужителей, которые, переселяясь из других регионов, приносили на Север и культуру, строили первые православные храмы и монастыри.

Если в центральной части Российского государства развитие науки, торговли и промышленного производства, а также формирование государственного аппарата управления в XVII в. привело к образованию новых типов и видов библиотек, уже не религиозного, а светского характера², то на Тобольском Севере в этот период появляются первые церковные (монастырские) библиотеки.

Первые библиотеки на территории региона возникли во второй половине XVII в. Первая библиотека Югры, которая упоминается в письменных источниках, – библиотека Кодского (Кондинского) Тро-

¹ Югория : энцикл. Ханты-Манс. авт. окр. – Ханты-Мансийск ; Екатеринбург, 2000. – Т. 1 : А–И. – С. 107, 108.

² Абрамов К. И. История библиотечного дела в России. – М. : Либерия, 2000. – С. 26.

ицкого монастыря (1657 г.)³. Кондинский Троицкий монастырь был создан при церкви, которая появилась в остяцком Кодском княжестве в 1599–1600 гг. (по разным источникам). «Описью имущества за 1673» в составе библиотеки зафиксированы хранившиеся в алтаре Троицкой церкви 44 книги, из них 38 печатных и 6 рукописных.

К началу XVIII в. Кондинский монастырь обладал довольно внушительной библиотекой. По переписным книгам 1795 г. в ней значилось 67 книг, в 1805 г. – 150⁴. В описи, составленной в 1800 г. игуменом Ювеналием, в библиотеке было 137 единиц хранения, которые сгруппированы по разделам: церковные, поучительные, письменные, печатные нотные; а внутри – по форматам.

В результате миссионерской деятельности Филофея Лещинского на Обском Севере в начале XVIII в. стали возникать новые православные приходы. В частности, около 1714 г. были заложены Троицкая (Белогорская волость), Сошествия Святого Духа (Сухоруковская волость), Преображенская (Малоатлымская волость), Спаская (Шоркальская волость), Троицкая (Нахрачевская волость) церкви. Всего в течение первой трети XVIII в. было построено 23 храма⁵. Книги для церквей не только покупались или поступали благодаря централизованному снабжению через епархиальное начальство либо в виде вкладов, но иногда и переписывались на заказ. Имелись у сургутских клириков и причетников и свои личные библиотеки. В середине XVIII в. в Ваховской Богоявленской церкви служил дьяконом Петр Першуков, которому его отец «по отъезде своем в Тобольск» благословил следующие книги: Псалтырь, Новый Завет, две Минеи, Катехизис и Букварь.

Весьма значительным книжным собранием располагала в XIX в. Ларьякская Знаменская церковь Сургутского округа, построенная, по разным сведениям, в 1716–1717, 1772 гг.⁶ В описи имущества, состав-

³ Югория : энцикл. Ханты-Манс. авт. окр. – Ханты-Мансийск ; Екатеринбург, 2000. – Т. 2 : К–П. – С. 61.

⁴ Макарова Г. Кодский Троицкий монастырь // Подорожник. – Тюмень, 2002. – Вып. 1. – С. 64.

⁵ Шашков А. Т. Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири и их библиотеки // Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв. – М. : Галерея, 2007. – С. 110.

⁶ Солодкин Я. Г. Из истории церкви Знамения Пресвятой Богородицы в селе Ларьякском (Ларьяке) // От Ваха до Агана. – Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 2002. – С. 15.

ленной в 1832 г., перечислено 79 экземпляров книг, имевших 49 названий. В клировых ведомостях за 1881 г. названа библиотека Знаменской церкви Ларьякского села Сургутского уезда: «Библиотека при церкви есть, в которую согласно распоряжению Епархиального начальства указанные в описи покойного Митрополита Филарета книги приобретаются. Круг богослужебных книг имеется»⁷. По мнению историка Я. Г. Солодкина⁸, «церковь располагала неплохой библиотекой: помимо богослужебных книг и богословских трудов, там имелись трехтомная «История русской церкви» епископа Тамбовского Макария, работа Н. А. Абрамова «Филофей Лещинский, митрополит Тобольский и Сибирский», «Тобольский епархиальный адрес-календарь».

В середине XIX в. при церкви была открыта церковно-приходская школа, которая действовала до 1898 г., в 1909 г. было открыто одноклассное училище, подведомственное Министерству народного просвещения, но занятия вели священники Знаменской церкви. Училище располагало собственной библиотекой.

Клировые ведомости приводят сведения о церкви с. Вартовского Сургутского уезда: в 1909 г. – «книг церковного круга, а также церковной библиотеке принадлежащих для чтения – нет», в 1915 г. – «книг церковного круга недостаточно»; о Богоявленской церкви с. Ваховского Сургутского уезда: в 1881 г. – «библиотека при церкви есть», в 1889 г. – «библиотека есть, но книги, по бедности, с трудностью большой приобретаются»⁹. «Ведомость о церкви во имя Рождества Христова в с. Сосьвинском Березовского уезда Тобольской епархии за 1901 год» содержит следующие сведения о церковной библиотеке: «библиотека имеется из книг духовно-нравственного содержания и одобрены Святейшим Синодом и духовной цензурой. Круг богослужебных книг полный»¹⁰.

⁷ Из клировых ведомостей // Западная Сибирь : история и современность : краевед. зап. – Нижневартовск, 1998. – Вып. 1. – С. 158.

⁸ Солодкин Я. Г. Из истории церкви Знамения Пресвятой Богородицы в селе Ларьякском (Ларьяке) // От Ваха до Агана. – Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 2002. – С. 23.

⁹ Из клировых ведомостей // Западная Сибирь : история и современность : краевед. зап. – Нижневартовск, 1998. – Вып. 1. – С. 164–170.

¹⁰ Православные приходы Березовского края в XIX – начале XX века. – Тюмень : Вектор Бук, 2004. – С. 389.

Были в этой библиотеке и учебные книги, что подтверждает Указ Березовского духовного правления сосвинскому причту о передаче *«книг для обучения поселянских детей»*, в соответствии с которым были переданы псалтыри, часословы, 7 азбук и 7 кратких священных историй¹¹. В отчете церковно-приходской школы за 1889–1890 гг. читаем: *«Кроме сего пользовались дети от священника собственными его книгами... Дети достаточных родителей приобретали посредством выписки священником Кудреватых некоторые учебники, жития святых, более чтимых, письменные принадлежности. Кроме всего имеются книги Священного Писания в количестве 250 экземпляров, пожертвованные в сосвинскую церковь купцом Александром Михайловым Сибиряковым. Учебники пользуются, для чтений даются на дом»*¹².

Сохранилось свидетельство того, что книгами из церковных собраний пользовались прихожане, «Тетрадь выдачи книг березовского Воскресенского собора для чтения «частным людям» зафиксировала выдачу книг отставному уряднику Г. Козлову, запрещенному диакону А. Карпову, поселенцу З. Иванову¹³.

В Северо-Западной Сибири, по мнению многих ученых, был достаточно высокий уровень грамотности среди русского населения. По мнению историка А. Т. Шашкова, *«в Северо-Западной Сибири, несмотря на малочисленность ее русского населения и явное преобладание у аборигенных народов языческих верований, сложился достаточно мощный пласт традиционной книжности»*¹⁴, что в значительной степени было обусловлено деятельностью в крае православных церквей и монастырей, а также духовных миссий. Среди березовской и сургутской казачьей старшины 1762 г. (атаманов, сотников, капралов, пятидесятников) не было ни одного человека, не умевшего читать и писать. 10 глав крестьянских семей Сургута поставили собственные подписи под ревизскими сказками 1795 г., грамотными были священнослужители, купцы и значительная часть сургутских и березовских мещан¹⁵.

¹¹ Там же. – С. 394.

¹² Там же. – С. 397.

¹³ Там же. – С. 59.

¹⁴ Шашков А. Т. Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири и их библиотеки // Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв. – М. : Галерея, 2007. – С. 131.

¹⁵ Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. – Новосибирск : Наука, 1975. – С. 121.

С развитием духовного и светского образования, созданием школ, училищ увеличивалось число грамотных. В XVIII в. начинают возникать учебные библиотеки при церковно-приходских школах и училищах Сургута и Березова.

30 августа 1818 г. открылось трехклассное Березовское уездное училище¹⁶. Хотя в учебном заведении одновременно обучалось всего 10–15 детей, училище было центром просвещения и достопримечательностью всей округи. Библиотека училища начала формироваться в конце 1830 гг. К 1845 г. в библиотеке было 378 сочинений в 586 томах, в основном на русском языке, а также на греческом – 26, латинском – 6, французском – 13, немецком – 8, итальянском и татарском – по 1. В 1857 г. была опубликована работа Н. А. Абрамова «Описание Березовского края», в которой он приводит данные об объеме фонда «фундаментальной» библиотеки – до 1200 томов «разных полезных и большей частью новейших сочинений»¹⁷.

Исследователь С. А. Белобородов писал: «...можно утверждать, что библиотека Березовского училища была, пожалуй, самым значительным книжным собранием Севера Сибири и одной из крупнейших учебных библиотек всей северной России»¹⁸. Комплектовалась библиотека путем заказа книг в «столицах», покупки на ярмарках, приобретения у населения. Руководство училища не жалело денег на приобретение новых книг, ежегодно выделяя на это весьма значительные суммы. Часть книг была приобретена у жителей Березова, Сургута, Тобольска, по пометам на книгах установлены имена их прежних владельцев – березовского купца А. Н. Нижегородцева, А. Кашпирева и др.

В 1835 г. была открыта школа для обучения детей сургутских служилых (Сургутская казачья школа), которая, несмотря на название, была всесословной. В 1845 г. в Сургутской школе обучались 71 человек, из них 48 учеников были детьми казаков, остальные – детьми крестьян,

¹⁶ Югория : энцикл. Ханты-Манс. авт. окр. – Ханты-Мансийск ; Екатеринбург, 2000. – Т. 3 : Р–Я. – С. 233.

¹⁷ Абрамов Н. А. Описание Березовского края. – Шадринск : Исеть, 1993. – С. 26.

¹⁸ Белобородов С. А. Библиотека Березовского уездного училища : (материалы для реконструкции собр.) // Культурное наследие Азиатской России : материалы I Сиб.-Урал. ист. конгр., Тобольск, 25–27 нояб. 1997 г. – Тобольск : Изд-во Тобол. гос. пед. ин-та, 1997.

мещан и духовенства. При школе имелось собрание «исторических» и «нравоучительных» книг из 42 томов и 11 учебных пособий¹⁹.

При создаваемых учебных заведениях – Сургутском мужском начальном городском училище (1877), Сургутской церковно-приходской двухклассной школе для девочек (1886) – были небольшие собрания книг.

Одной из первых школ, открытых в XIX в., в которых обучались дети аборигенов, была школа в с. Ларьякском, созданная в 1843 г.²⁰ В 1844 г. при Кондинской миссии, Белогорской, Сухоруковской, Малоатлымской церквах появились школы для остяцких детей.

«Тобольские епархиальные ведомости» сообщали, что на 1896 г. фонд библиотек церковно-приходских школ Березовского округа состоял из 1463 экземпляров учебных книг, 630 экземпляров книг для внеклассного чтения, 30 экземпляров книг для учителей²¹. Землеустроитель А. А. Дунин-Горкавич в «Справочной книжке Тобольской губернии» приводит сведения о количестве народных училищ и церковно-приходских школ на январь 1904 г. в двух уездах²²:

Уезды	Начальные народные училища			Церковно-приходские школы					
	городские	сельские двухклассные	сельские одноклассные	в городах			в уездах		
				двухклассные и второклассные	одноклассные	школы грамоты	двухклассные и второклассные	одноклассные	школы грамоты
Березовский	1	-	6	-	1	-	-	4	5
Сургутский	1	-	1	1	-	-	-	-	5
В Тобольской губернии	30	22	346	4	23	6	7	248	215

¹⁹ Древний город на Оби : история Сургута. – Екатеринбург : Тезис, 1994. – С. 235.

²⁰ Мавлютова Г. Ш. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX – начало XX века). – Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2001. – С. 84.

²¹ Лукьянова Л. С. Библиотеки Севера Тобольской губернии во второй половине XIX – нач. XX вв. // История. Библиотека. Общество : сб. материалов науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию публич. б-ки Сургута, Сургут, 17–18 марта 2005 г. – Сургут, 2005. – С. 133.

²² Дунин-Горкавич А. А. Справочная книжка Тобольской губернии. Приложение к карте Тобольской губернии. – Тобольск : Тип. Епарх. братства, 1904. – С. 66.

Можно предположить, что в каждом из этих учебных заведений были собрания книг, доступные, как правило, учащимся и педагогам.

Состояние учебных заведений и их библиотек зависело в первую очередь от личной инициативы жителей. «Сибирский листок» свидетельствовал о том, что почетный попечитель Базьяновского училища К. В. Башмаков *«лично на свои средства построил прекрасное здание училища, снабдил его необходимыми пособиями, приобрел довольно порядочную библиотеку...»*²³.

Первые общедоступные библиотеки в регионе появились в конце XIX – начале XX вв. Предпосылкой их появления необходимо признать изменения в общественном сознании. Обществом осознавалась необходимость создания публичных библиотек, о чем свидетельствуют публикации в губернских газетах. Корреспондент тобольской частной газеты «Сибирский листок», выходявшей в 1891–1919 гг., в 1891 г., признавая открытие народной библиотеки в Сургуте «предметом первой важности», писал: *«Как тут не сказать: «Света истинного просвещения нашему захолустью! Света настоящей развивающей ум грамотности! Света хороших книг! Этот свет при распространении грамотности легко и скоро мог бы засветить и, может быть, что-нибудь и осветил бы, хотя в душах молодых подрастающих поколений при посредстве, например бы, такой безобидной вещи, как народная библиотека. «Это в Сургуте-то? – удивленно спросит обыватель. – В том самом Сургуте, который 298 лет прожил, библиотеки не имел, а без хлеба, слава Богу, не оставался и голодом не сидел!...» Словом, это необычное предложение, я знаю, приведет в смущение обывателя и вызовет его прямое осуждение»*²⁴.

Первыми общедоступными библиотеками были библиотеки-читальни, библиотеки Народных домов и общественных объединений, которые возникали в основном по инициативе просветительных и благотворительных обществ. Общественно-религиозные организации, в их числе общества трезвости, были призваны обеспечить более тесную связь духовенства и мирян, укрепить позиции церкви в обществе. Общества устраивали «праздники трезвости», беседы, чтения, литературные вечера, занимались сбором пожертвований на борьбу с

²³ Сибирский листок, 1895–1900. – Тюмень : Мандрика, 2003. – С. 561.

²⁴ Сибирский листок, 1890–1894. – Тюмень : Мандрика, 2003. – С. 86.

пьянством, организовывали библиотеки-читальни, состав фонда которых регламентировали правила «О бесплатных народных читальнях и порядке надзора за ними» от 15 мая 1890 г. В соответствии с правилами они могли иметь только книги, одобренные ученым комитетом Министерства народного просвещения по соглашению с духовным ведомством.

В 1905 г. в г. Сургуте при уездном попечительстве открылась чайная и при ней библиотека-читальня. В чайной за символическую плату практиковалось проведение публичных чтений, бесед, показ «живых картинок» при помощи «волшебного фонаря». Фонд был немногочисленным, содержал религиозную литературу, произведения классиков, русские народные сказки, лубочные книги и брошюры общества попечения о народной трезвости. В соответствии с данными отчета уездного исправника Г. А. Пирожникова за 1905–1912 гг. о посещаемости чайной и библиотеки-читальни, чтения в библиотеке посетило 14,5 тысячи человек. Кроме того, без организованных чтений чайную посетило 53,6 человека, в т.ч. инородцев – 4366 человек²⁵.

Основателем первой общественной библиотеки при уездном трехклассном (позднее – высшем начальном четырехклассном) училище г. Березова был учитель этого училища Федор Филиппович Ларионов. 26 мая 1899 г. состоялось совместное торжественное заседание учащихся городского училища и представителей городского общества, посвященное А. С. Пушкину. Собрание решило основать общественную библиотеку при училище и присвоить ей имя А. С. Пушкина. Нужно отметить, что в России в 1899 г. прокатилась волна по открытию общедоступных библиотек к 100-летию поэта. После получения разрешения управляющего Министерством народного просвещения и директора департамента от 11 октября 1899 г. решено учредить общественную библиотеку и присвоить ей наименование «Пушкинская». Библиотека была открыта 19 февраля 1900 г.²⁶ По информации тобольской газеты «Сибирский листок» в здании уездного училища был отслужен молебен, заведующий библиотекой П. Н. Грязнов выступил с речью. «Сибирский листок» отметил, что на момент открытия би-

²⁵ Кондакова Л. Ю. Сургутские библиотеки : 100 лет истории. – Тюмень, 2004. – С. 12.

²⁶ Из истории березовской Пушкинской общественной библиотеки // Подорожник. – Тюмень, 2008. – Вып. 9. – С. 38, 39.

библиотеки «выписывается уже до 15 названий периодических изданий и имеется уже свыше 200 названий книг. Пожертвования книгами и деньгами продолжают все время поступать»²⁷.

Обязанности библиотекаря выполнял Ф. Ф. Ларионов. По его воспоминаниям: «Дело пошло. Широкою поддержку агитацией и книгами оказал этому прогрессивному начинанию врач А. Я. Штернберг. Книги стали поступать в большом количестве. Я, будучи избран библиотекарем (конечно, бесплатным), должен был заняться выдачей книг. Читателями были, главным образом, чиновники города. Книги в библиотеку выписывались по списку, предварительно просмотренному и одобренному директором народных училищ. Один раз составленный мною список, в котором были помещены сочинения М. Горького, А. П. Чехова, Е. Чирикова, Серафимовича и некоторых других современных авторов, не прошел, и мне было указано, что если я и в дальнейшем при составлении списков буду проявлять «освободительные» тенденции, то я буду понижен по службе»²⁸.

В 1901 г. «Сибирский листок» опубликовал данные из годового отчета заведующего библиотекой П. Н. Грязнова: «Березовская библиотека не требует почти никакого расхода на свое содержание: помещается она в здании уездного училища, ее делопроизводством заведует штатный смотритель уездного училища, а выдачей книг – один из учителей. Существование библиотеки обеспечивается поступлением подписной платы, устройством в пользу библиотеки вечеров, спектаклей, чтений и прочими пожертвованиями. Местное общество весьма сочувственно отнеслось к библиотеке и оказало ей нравственную и материальную поддержку. Сочувствие это выразилось в приеме пожертвований, какого совсем не ожидали учредители библиотеки от небольшого березовского общества: было пожертвовано 200 названий книг, деньгами 338 рублей 68 копеек и еще 61 рубль со специальным назначением на открытие при библиотеке музея; два вечера, устроенные в пользу библиотеки, дали 65 рублей. Надобно заметить, впрочем, что пожертвования шли не только от лиц, живущих в Березове, но и от случайных посетителей Березова, также из уезда, из Тобольска (музей

²⁷ Библиотека : сб. материалов к 100-летию 1-й обществ. б-ки Березова. – Березово, 1999. – С. 3.

²⁸ Ларионов Ф. Ф. Семейная хроника : материалы к истории культуры Зап. Сибири. – Шадринск : Исеть, 1993. – С. 24.

прислал 11 выпусков «Ежегодника»), из Семипалатинска (статистический комитет). Значительная доля пожертвований поступила через местного врача А. Я. Штернберга. Выдача книг производится два раза в неделю. Подписчики первого разряда платят 5 рублей в год, второго – 2 рубля, учащиеся и окончившие курсы в местных училищах (до приискания определенного заработка) пользуются книгами бесплатно. В настоящее время библиотека имеет 18 подписчиков; всего в течение года абонировалось на разные сроки 39 человек (не считая учащихся). В отчетном году было выписано книг на 27 рублей 67 копеек, газет и журналов на 110 рублей 86 копеек»²⁹.

В 1913 г. в Сургуте открылся Народный дом, при котором действовал городской комитет попечительства о народной трезвости, библиотека стала действовать при нем³⁰. В собрании библиотеки было 930 книг. Был зрительный зал, в котором устраивались публичные чтения, ставились любительские спектакли.

Домашнее образование, учебные заведения и немногочисленные библиотеки способствовали тому, что по данным переписи 1897 г. самый высокий процент грамотности мужского населения был в Сургуте (63,1%) и Березове (54,37%), для сравнения: в Тобольске – 52,31%, Тюмени – 46,22%. Березов был на втором месте после Тобольска и по уровню женской грамотности.

Работавший учителем в 1904–1913 гг. в с. Ларьяк Г. М. Дмитриев-Садовников писал: «Книг в селе можно найти порядочное количество почти в каждом доме. Не говоря уже о «Прославленных сыщиках», выписываются «Природа и люди», «Вокруг света», «Родина», «Нива», «Новый голос», «Искры», «Дружеские речи», «Фельдшер», «Сибирский листок», «Сибирская торговая газета», «Сельский вестник». Выписываются также и отдельные сочинения; для ребят же – книги «Библиотеки новой школы», около сотни которых, читаемых нарасхват, были выписаны через посредничество сургутского учителя Суханова. Глубокую благодарность можно принести сургутским учителям, снабжающим наше село «Вестником знания», «Новым словом» и прочими книгами»³¹. Чуть раньше «Сибирский листок» в 1906 г. пи-

²⁹ Библиотека : сб. материалов к 100-летию 1-й обществ. б-ки Березова. – Березово, 1999. – С. 5.

³⁰ Центральная городская библиотека им. А. С. Пушкина. – Сургут, 2004. – С. 5.

³¹ Журсиналиева В. А., Стряпчая О. В. Из истории сельских библиотек. Нижневартов-

сал, что в школе «учебников два года не было, учились по рукописным» и призывал общественность поддержать «начинания этой школы и снабжение ее книгами для чтения и наглядными пособиями»³².

Исследователь Л. С. Лукьянова пишет, что Тобольская губерния занимала одно из первых мест в России по развитию народно-библиотечного дела, в губернии было 29 народных библиотек, за 1889–1898 гг. в уездах было открыто 90 народных библиотек³³. Но эта статистика, скорей, относится к югу Тобольской губернии, поскольку, по данным Тобольского губернского статистического комитета³⁴, в начале XX в. на территории Югры было три библиотеки и читальни: в уездных городах Березове и Сургуте и с. Самаровском (об этой библиотеке никаких свидетельств не обнаружено).

Если в целом в Сибири в конце XIX – начале XX вв. открывались библиотеки в губернских центрах и уездных городах на средства земств, в сибирских губерниях, ввиду отсутствия в них земств, библиотечная отрасль развивалась медленнее. Например, в Пермской губернии на средства земств к 1897 г. было открыто 211 библиотек. Особенностью библиотечного дела Югры было еще и отсутствие ведомственных библиотек, что связано с отсутствием промышленного производства.

Характерной чертой этого периода истории библиотечного дела на территории Югры было то, что частная инициатива играла определяющую роль в открытии библиотек, примером служат имена Ф. Ф. Ларионова, Г. А. Пирожникова, Н. А. Абрамова. Библиотеки, как правило, не были самостоятельными, они действовали при чайных, церквах, учебных заведениях, тем самым являясь частью комплексных учреждений и выполняя иные, зачастую, может быть, более востребованные обществом задачи. По мнению исследователя О. В. Динеевой, это явление было характерно для библиотек того периода в связи с «медленным расширением культурного пространства

ская библиотека // Западная Сибирь : история и современность : краевед. зап. – Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 2000. – Вып. 3. – С. 128.

³² Сибирский листок, 1901–1907. – Тюмень : Мандр и Ка, 2003. – С. 413.

³³ Лукьянова Л. С. Библиотеки Тобольской губернии // Большая Тюменская энциклопедия. – Тюмень, 2004. – Т. 1 : А–З. – С. 164.

³⁴ Список населенных мест Тобольской губернии. – Тобольск : Губерн. тип., 1912. – С. 24.

провинциального города»³⁵. Сдерживающими факторами развития культурного пространства была отдаленность региона и неразвитость книжного рынка, вследствие чего возникали сложности с приобретением и доставкой литературы.

Автор «Обзора библиографии Сибири» М. Азадовский пишет, что *«культурное движение в Сибири не было единым и однообразным, оно проявлялось в разных формах и носило различный характер в разных ее частях»*, формулируя разные типы местного культурного движения, обусловленные социально-экономическими особенностями обширного края. Исследователь считает, что тобольская образованность имеет первоначально церковный характер³⁶. Старейшими сибирскими библиотеками были церковные, монастырские, которые зачастую выполняли и функции учебных библиотек, поскольку учебными заведениями, действовавшими на территории Тобольского Севера, были церковно-приходские школы и народные училища. Но существование именно таких типов библиотек не сужало круга их читателей, поскольку многие свидетельства говорят о том, что они выполняли функции публичных библиотек.

Очевидна зависимость состояния библиотечного дела от экономического потенциала территории, степени развития населенных пунктов, состава населения, уровня общественного сознания. Ряд характеристик «окраины империи» накладывал отпечаток на состояние отрасли: отставание экономического развития, значительная доля национального бесписьменного населения, незначительная сеть учебных заведений, преимущественно низших общеобразовательных учреждений (церковно-приходских школ, училищ). Все эти факторы и стали основными причинами более позднего становления библиотечного дела в регионе.

---

³⁵ Динева О. В. Провинциальная библиотека в культурно-историческом пространстве дореволюционной России // История. Библиотека. Общество : сб. материалов науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию публич. б-ки Сургута, Сургут, 17–18 марта 2005 г. – Сургут, 2005. – С. 21.

³⁶ Азадовский М. Очерки литературы и культуры в Сибири. – Иркутск : ОГИЗ, 1947. – Вып. 1. – С. 45, 63.

Пять лет на страницах окружной газеты «Новости Югры» реализуется проект «Западная Сибирь: история поиска». За этот период опубликовано 43 статьи в 99 номерах газеты. Открыты новые факты из истории геологического поиска в Западной Сибири, новые имена. Немало документов, фотографий, которые обнаружены в ходе исследовательской работы в архивах Ханты-Мансийска, Тюмени, Омска, Самары, Екатеринбурга, Москвы, передано в Музей геологии, нефти и газа. Одно из «открытых» нами имен – это Платон Ильич Лопарев. По заданию окружных властей он в июне 1934 г. проверял сообщение о нефтепроявлениях в районе с. Юган Сургутского района.

А предыстория вопроса такова. Информация о выходе нефти вблизи с. Юган (60 км от Сургута по прямой и 150 км по реке) стала поступать в различные инстанции в начале 1930 гг. «Автором» ее был техник кирпичного завода «Обьгосрыбтреста» административно-ссылный А. Г. Косолапов.

Откуда он прибыл в Юган неизвестно, но, судя по всему, это был человек незаурядный, любознательный и, самое главное, имевший познания в области поиска полезных ископаемых. Вполне вероятно, что по специальности он был геологом или, по крайней мере, в свое время имел прямое отношение к геологоразведочным работам.

Осенью 1932 г. в 50 км от поселка Косолапов нашел камень известняк, собрал его и обжег в печах кирпичного завода. Полученную известь он отправил в Сургутский райсоюз и в Тобольск, где находился «Обьгосрыбтрест», а также употребил на месте в с. Юган. По всем собранным им отзывам известь оказалась очень высокого качества.

На следующий год, уже по заданию Сургутского райсоюза и Тобольского «Обьгосрыбтреста», Косолапов начал поиск месторождения известняка. К сожалению, в этот раз из-за большого наводнения пласты известняка оказались затопленными на глубину до 4 м. Косолапов составил докладную записку на имя руководителя управления строительства и горкомхоза Остяко-Вогульска, в которой сообщил не только об известняке, но и о глинах.

Он выдвинул свою версию появления известняка на поверхности, связав это явление с землетрясением, которое случилось в августе 1931 г. Как он полагал, землетрясения в этих местах не редкость, свидетельством чего он считал наличие камней вулканического происхождения, сильно спекшихся и окрашенных в черный цвет. Любопытный административно-ссылный увидел в этих местах не только известняк, он также обратил внимание на выход нефти в районе р. Большой Юган. Вот как он сам описывает это явление:

Из докладной записки А. Г. Косолапова:

«Летом 1932 г. в июле и августе при самом низком уровне воды в р. Юган я наблюдал выход нефти на поверхность.

В самом фарватере реки, метрах в 5-ти от высокого левого берега, периодически, приблизительно минут через 15 появлялась нефть. В одних и тех же двух точках поверхности воды (глубина до 6 метров) фонтанообразно выплывала нефть – каждый раз в количестве до стакана в каждой точке и в характерной форме жировых пятен уносилась течением.

Особенно сильная деятельность этих двух точек проявилась однажды во время большой грозы. Необыкновенно сильные удары грома потрясли атмосферу и казалось, что под этими ударами земля вздрагивает. Нефть в указанных точках начала выбрасываться приблизительно через каждые 5 минут. Эти явления отчетливо наблюдались во время безветренной погоды, когда на воде не было ни малейшей ряби. Выход нефти на поверхность наблюдался также на маленькой речке, впадающей в р. Юган в 90 километрах выше пос. Юган.

Об этом событии я сообщил телеграфно в Свердловск и Тобольск директору «Рыбтреста», но никакого ответа не получил, поэтому и не счел нужным добыть образцы. После, в 1933 г., я не замечал этого явления – может быть, мешали высокий уровень воды в р. Югане и постоянные ветра. Может быть, нефтепроводные каналы закупорились наносом ила и глины».

В 1932 г. на сообщение о выходе нефти если и обратили внимание, то никаких действий не было предпринято. Это можно связать с тем, что окружная власть находилась в процессе становления: первые ее структуры были образованы летом 1931 г. Когда этот процесс завершился, появились те, кто по долгу службы стал отстаивать интересы

округа, привлекать специалистов из других городов для изучения производительных сил края.

Региональную власть не устраивало то, что о проводившейся работе по поиску полезных ископаемых руководство округа не информировалось. Поэтому в марте 1933 г. президиум окрисполкома был вынужден обратиться в Академию наук СССР с просьбой довести до сведения окружных властей «данные об имеющихся в округе полезных ископаемых для наметки и развертывания работ по их разработке».

Докладная записка техника Косолапова хотя и была адресована Управлению строительства пос. Остяко-Вогульска, все же попала на стол первого секретаря Остяко-Вогульского окружкома партии Артура Яновича Сирсона, и он, воспользовавшись проездом через Остяко-Вогульск в с. Юган Платона Ильича Лопарева, поручил ему проверить сведения о выходе нефти на р. Юган.

Лопарев руководил рыбохозяйственной станцией в Тобольске и с началом навигации 1934 г. направлялся по делам в Сургутский район. 26 мая у него состоялась беседа с Сирсоном. Платон Ильич весьма ответственно отнесся к поручению партийного лидера и составил подробный отчет о своем пребывании в пос. Юган, куда он прибыл 15 июня 1934 г. А уже 17 июня дал телеграмму в Обско-Иртышский обком партии, Остяко-Вогульский окружком партии и редакцию газеты «Советский Север» (г. Тюмень), в которой сообщал о том, что *«высокий уровень воды устранил возможность взятия проб»* и *«собранный материал заставляет предполагать действительно естественный выход нефти»*.

Позже он направил подробный отчет в Остяко-Вогульский окружком ВКП(б) и в Сургутский райком партии, в котором описывает все, что ему удалось выяснить на месте. Но ни в одном из официально опубликованных документов нет ссылок на этот отчет. Почему? Не потому ли, что вскоре Лопарев был арестован и расстрелян? Возможно, документы, подписанные им, изъяли, и текст отчета сохранился только в Государственном архиве округа.

Из отчета П. Лопарева:

«...Не имея возможности получить документальные материалы (пробы), я собрал имеющиеся у населения сведения по данному вопросу и мобилизовал внимание общественности и актива с. Юган к продол-

жению наблюдения за жировыми пятнами на р. Юган, указал способы взятия проб для анализа и порядок отправки их в лабораторию станции.

Суммируя полученные материалы, я делаю следующие обобщения. Жировые пятна (круги, полосы разного размера длины и ширины) наблюдались местным населением давно у возвышенного берега р. Юган, у самого с. Юган, а теперь и у самого кирпичного завода «Обьтреста».

Жировые пятна наблюдались во время спада воды в р. Юган, т.е. с августа до ледостава. При высоком горизонте воды появление пятен не наблюдалось.

Наблюдаемые населением плавающие по Югану пятна и круги имеют довольно прочную связь: разгоняются прутком и не расходятся от удара веслом, не отгоняются ведрами при зачерпывании воды, в которую обязательно попадают, образуя тонкий поверхностный слой.

С появлением на Югане катеров местное население обратило внимание на исключительную схожесть пятен на Югане с нефтью, выбрасываемой катером.

Опросив местных товарищей-активистов, трех административно-ссылных, я пришел к убеждению, что собранный материал дает мне право на следующее заключение: наблюдаемые при низких горизонтах воды пятна на р. Юган не обычного для севера происхождения и, что более всего вероятно, мы действительно имеем естественный выход нефти.

Учитывая, что обнаружение нефти в Югане коренным образом изменило бы экономику и лицо края, необходимо срочно изыскать средства на проверку сведений и изыскания. Путь – получение из Югана предварительных проб, затем их лабораторное исследование, по моему мнению, наиболее целесообразный, и должен предшествовать производственным изысканиям как путь более дешевый и безошибочный».

Следует отметить, что Платон Ильич Лопарев хотя и занимался проблемами развития рыболовства на Севере, тем не менее, живо интересовался всем, что имело отношение к развитию производительных сил края. Он располагал сведениями о том, что еще в 1921 г. вблизи с. Сухорукова и позднее около д. Тюлинской на Иртыше были отмечены выходы нефти, знал и о «нефтяных ключах» в районе с. Цингалы. Сум-

мируя все это, он писал партийному секретарю округа Артуру Яновичу Сирсону: *«Если имеющиеся в округе сведения о признаках нефти... подтвердятся, то область будет иметь колоссальную нефтеносную территорию, расположенную на исключительно мощных и экономически удобных водных магистралях Оби и Иртыша»*. Жаль, ему не удалось убедиться в своем удивительном пророчестве...

Скорее всего, отчет Платона Ильича Лопарева тоже лег в основу письма, составленного летом 1934 г. специалистами окрисполкома и направленного в адрес облплана. Это письмо потом было передано в трест «Востокнефть» (г. Уфа). Следует добавить, что о нефтепроявлениях на территории округа в трест сообщила также редакция газеты «Советский Север». В результате в августе трест снарядил в округ экспедицию под руководством инженера-геолога В. Г. Васильева. И это была первая официально направленная экспедиция по поиску нефти.

В 1960 гг. сбылись пророческие слова Платона Лопарева: *«... Область будет иметь колоссальную нефтеносную территорию»*.

«Сосьвапромгеология» и ее роль в комплектовании геологической коллекции Музея геологии, нефти и газа

Павликова Нина Владимировна

Геологический фонд является основой собрания Музея геологии, нефти и газа и составляет свыше 5000 предметов, разделенных на коллекции: геологическую (минералы, руды, горный хрусталь), палеонтологическую и ювелирно-поделочных камней.

Первое поступление предметов для геологической коллекции было в марте 2003 г. от ОАО «Сосьвапромгеология» – образцы горных пород и изделия из поделочного камня, они положили основу геологического собрания. На протяжении всех последующих лет Сосьвапромгеология продолжает быть постоянным помощником в формировании геологического фонда.

Государственное унитарное предприятие «Сосьвапромгеология» было создано 01.04.1996 г. на базе двух предприятий: Сосьвинского государственного геологоразведочного предприятия (СГГРП) и Полярно-Уральского государственного геолого-промышленного предприятия (ПУГГП), расположенных в с. Саранпауль Березовского района.

ПУГГП было основано в 1935 г. трестом «Русские самоцветы» под названием Полярно-Уральская экспедиция по добыче и разведке месторождений горного хрусталя, открытых на Приполярном Урале в 1929–1934 гг. экспедицией Александра Николаевича Алёшкова. Он и стал первым начальником предприятия.

В 1935–1942 гг. геологоразведочные и добычные работы проводились на месторождениях Додо, Пуйва, Омега-Шор, Верхний Парнук, Зейка и других, где в первую очередь отрабатывались с поверхности россыпи кристаллов горного хрусталя, а затем и наиболее перспективные хрусталеносные кварцевые жилы. В военное время экспедиции обеспечивали потребность оборонной промышленности в пьезокварце.

Первое послевоенное десятилетие (1945–1955) характеризуется возрастанием объемов работ и расширением фронта поисков. В этот период открыты многие проявления и месторождения горного хрусталя.

1965–1993 гг. отличаются усиленным изучением месторождений горного хрусталя на глубину, а также освоением нового вида минерального сырья – особо химически чистого жильного кварца, заменившего горный хрусталь в электронике, ракетостроении, светотехнике, оптике, химической промышленности.

В 1950–1960 гг. на территории Приполярного Урала работы проводились Тюменской комплексной геологоразведочной экспедицией. В период ее деятельности открыты месторождения бурого угля – Люльинское, Оторьинское, Тольинское; рудопроявления меди – Малососьвинское, Большесосьвинское, Томратское и др.; полиметаллов – Яроташорское; россыпи золота. Впервые на Приполярном Урале выявлены алмазы в коренном залегании.

В 1983 г. Сосьвинская геологоразведочная экспедиция была передана в состав Главтюменьгеологии, а в 1993 г. преобразована в Сосьвинское государственное геологоразведочное предприятие и передана в собственность Ханты-Мансийского автономного округа.

На сегодняшний день за счет окружного бюджета ведутся поисковые работы на хромовые руды (участки Синотвож, Нятокода), федерального бюджета – на железные руды (участки Северо-Вольинский и А-4), собственных средств – на россыпное золото (участки Золотошорсткий, Маньинский, Мало-Пуйвинский и др.). Ведутся работы по разведке и добыче жильного кварца и горного хрусталя.

Бывший генеральный директор Ю. Н. Бакулев организовал в Саранпауле инфраструктуру геологического туризма. В мире немало любителей путешествий по подземному миру, в т.ч. по штольням горных разработок. Ежегодно уникальные образцы минералов пополняют экспозиции музеев горного дела страны. Гордостью фондов музея является коллекция кварца с месторождений Додо и Пуйва Приполярного Урала, в ее составе – друза кварца весом в 300 кг.

В минералогической коллекции музея есть также уникальный экспонат – друза из трех скрученных кристаллов слабодымчатого горного хрусталя весом в 11 кг, такой, по заключению экспертной комиссии, нет ни в одном другом музее мира.

Хочется сказать о значимых документах, которые подарило нам ОАО «Сосьвапромгеология». Это сборники отчетов о геологоразведочных и эксплуатационных работах на Неройском месторождении

пьезокварца в 1940–1941 гг. Они могут быть интересными для исследователей, работающих на территории округа, аспирантов и студентов, обучающихся в вузах по геологическим специальностям.

Сотрудничество Музея геологии, нефти и газа и ОАО «Сосьвапромгеология» стало традиционным и творчески разнообразным. Это проявляется как в создании музейного фонда, так и организации музейных экспедиций. В частности, в 2004, 2005, 2006 годах ОАО «Сосьвапромгеология» способствовало проведению экспедиций и организации съемок фильмов о природе и промышленных объектах Приполярного Урала. Надеемся, что сотрудничество будет продолжаться и при новом руководстве Сосьвапромгеологии.

История формирования источниковой базы по спецпереселенцам в фондах Музея Природы и Человека (2001–2006 гг.)

Молдавская Юлия Николаевна

В фондах Музея Природы и Человека хранится ряд уникальных материалов, посвященных значительным событиям в жизни советского общества прошлого века. Среди них особое место занимают материалы по спецпереселенцам – людям, сыгравшим важную роль в становлении округа, развитии его рыбной, лесной промышленности, сельского хозяйства, строительстве Остяко-Вогульска. Сохранять, изучать, пропагандировать факты истории того периода – важная задача музея, призванного сберечь историко-культурное наследие Югры. С этой целью музеем ежегодно, начиная с 2001 г., проводились экспедиции для сбора информации по данной тематике.

19–25 июля 2001 г. состоялась историко-бытовая экспедиция по теме «История кулацкой ссылки в округе» (руководитель экспедиции – главный хранитель фондов О. В. Гришина). Маршрут проходил по Ханты-Мансийскому району и включал в себя следующие населенные пункты: г. Ханты-Мансийск – пос. Урманый – пос. Красноленинский – д. Сухоруково – пос. Кедровый – д. Елизарово – г. Ханты-Мансийск. В ходе экспедиции были записаны воспоминания 30 старожилов, в т.ч. спецпереселенцев и членов их семей, сосланных в округ в 1930–1940 гг. В фонды музея поступило 256 предметов музейного значения: фотографии и документы из семейных архивов, предметы быта русского старожильского населения [6, л. 12].

По итогам историко-бытовой экспедиции, проходившей 8–20 июля 2002 г. на территории Ханты-Мансийского и Сургутского районов (тема: «Исследование территории Ханты-Мансийского и Сургутского районов, сбор информации и материалов для новых музейных экспозиций», руководитель экспедиции – О. В. Гришина), в фонды музея поступило 326 предметов быта русского старожильского населения и спецпереселенцев, фотографии и документы из семейных архивов, иконы и церковная утварь. По специально разработанным опросникам были записаны воспоминания 45 респондентов, проведена фото- и видеофиксация работы экспедиции [6, л. 15].

2003 г. оказался очень плодотворным в исследовательском плане по данной тематике. К этому времени был накоплен богатейший фактический материал: записано более 50 воспоминаний бывших спецпереселенцев и членов их семей, в семейных архивах выявлены документы и фотографии [7, л. 26, 27]. Материалы личного происхождения из фондов музея были дополнены архивными документами ГАХМАО, ТОЦДНИ (всего 20 документов). Подбор документов осуществляла Ю. В. Дружинина, главный специалист Управления по делам архивов ХМАО [7, л. 15, 16]. Результаты исследований были опубликованы в историко-краеведческом сборнике «Наша общая горькая боль» (Глава 1. «Тяжелый груз несуществующей вины») [3, 4].

В этом же году сотрудниками музея был подготовлен ряд проектов в области научно-исследовательской, фондовой, культурно-образовательной деятельности. Среди них видеопроjekt «Страницы истории» – совместный проект МПиЧ и ГТРК «Югория». Цель проекта: познакомить зрителя с историей округа через музей и музейные экспонаты. В рамках проекта было подготовлено четыре фильма, которые были показаны на телеканале «Югория». В их числе – фильм «Спецпереселенцы» (авторы: А. С. Рябошапко, О. В. Гришина) [7, л. 31].

Кроме того, музей принял участие в целом ряде выставочных проектов, организованных музеями округа, общественными организациями и учреждениями города. Так, была подготовлена выставка «Край для ссылки неугодных», организатором которой являлась ЦБС г. Ханты-Мансийска [7, л. 24].

Знаменательным событием этого года также стал выход в свет историко-краеведческого сборника «Наша общая горькая правда» (составители Л. В. Цареградская, С. В. Лазарева, В. В. Патранова) [7, л. 34, 35]. В сборник, посвященный жертвам политических репрессий, включены официальные документы общесоюзного плана, в основном ранее опубликованные, а также публикуемые впервые постановления областных и окружных партийных и советских органов, разнообразные источники, отражающие воплощение разработанного директивными органами курса: протоколы, резолюции, докладные записки, информационные письма, приказы.

В сборник вошли и источники личного характера: заявления, воспоминания, стихи, что является его отличительной особенностью в ряду других подобных изданий, кроме того, ранее неопубликованные

документы ГАХМАО и ТОЦДНИ, а также Музея Природы и Человека. Впервые отдельно опубликованы списки репрессированных граждан по Ханты-Мансийскому автономному округу из «Книги расстрелянных», а также фотографии из фондов музея [11].

С 10 июля по 2 августа 2004 г. историческим отделом музея была проведена II комплексная историко-этнографическая экспедиция, которая в очередной раз подтвердила правильность методологической ориентации на комплексный характер исследований, а также участия в составе экспедиции высококвалифицированных специалистов, владеющих различными методиками полевых исследований, в качестве научных консультантов.

Экспедиция проходила по следующему маршруту: Ханты-Мансийск – Выкатное – (Борки-Чага) – Алтай – (Нюркой-Реденькое) – Кама – Болчары – (Алексеевка) – Кондинское – Ханты-Мансийск (в скобках даны названия несуществующих в настоящее время населенных пунктов). Цель экспедиции: сбор информации и материалов по темам «Исследование локальных полиэтнических сообществ на территории Кондинского района», «История кулацкой ссылки в округе» и др.

Экспедиция строилась по маршрутно-кустовому принципу и носила преимущественно разведывательный характер, т.к. в данном районе подобные экспедиции до сих пор не проводились и предварительного материала не существовало. Работа экспедиционного отряда была ориентирована исключительно на определенные программой темы и задачи, что было обусловлено ограниченными сроками работы, их явной нехваткой в связи с обилием собираемого материала и отсутствием практики подобной работы у основного состава отряда.

За время экспедиции было опрошено 64 информатора, сделаны аудио- и видеозаписи, фотофиксация. В фонды музея по итогам всей экспедиции было передано более 570 экспонатов и архивных материалов, среди которых значительное место заняли материалы по спецпереселенцам.

В силу ряда обстоятельств (разведывательный характер экспедиции, отсутствие у сотрудников практического опыта работы в полиэтнической среде, непродолжительность экспедиции) работа не завершена и требует организации дополнительных исследований в районе [8, л. 15–18].

В этом же году были продолжены изучение и систематизация фондовых источников по теме «История политической ссылки в округе в 30–40-е гг. XX в.» (автор – О. В. Гришина). Результатами исследований стали:

1. Концептуальный эскиз-проект выставки «Кулацкая ссылка глазами детей».

2. Тезисы выступления на научно-практической конференции 1-й Югорской полевой музейной бьеннале [1, с. 19–21].

Проект «Кулацкая ссылка глазами детей» был разработан по материалам историко-бытовых экспедиций музея (2001–2002) по Ханты-Мансийскому и Сургутскому районам. Выставка знакомила с документами и личными вещами спецпереселенцев, фотографиями, сделанными до и после ссылки. Интерес представляли справка о реабилитации и снятии со спецучета; иконы, привезенные спецпереселенцами втайне; детские игрушки и одежда, сшитые и изготовленные для детей уже в ссылке. Любопытно художественное решение: фотоувеличения на баннерном полотне детей-спецпереселенцев во время ссылки и уже в настоящее время на фоне непроходимой тайги, а также разбитая телега – образ сломанных судеб. Презентация музейной экспозиции с использованием звуковых эффектов – озвученные детским голосом воспоминания ребенка о ссылке, звук пил и топоров, вой тайги – все это усилило эмоциональное восприятие экспозиции [8, л. 35, 36].

В 2005 г. исследовательская деятельность по данной тематике характеризовалась в основном обработкой информации на основе уже накопленного материала и формированием личных фондов по спецпереселенцам. Так, за 2005–2006 гг. было сформировано 7 архивных фондов, среди которых и фонд «Спецпереселенцы», 47 личных фондов по спецпереселенцам [10, л. 44].

В 2006 г. был издан альбом-каталог «Историческое время» [2]. Он представляет стационарную экспозицию музея «Историческое время», повествующую об истории таежного Обь-Иртышья с древности и до наших дней, основанную на исторических документах и фондовых коллекциях [10, л. 38, 39].

Раздел каталога «Рубеж эпох» открывается фотографией, на которой изображены за шахматной доской Хрисанф и Платон Лопаревы, дядя и племянник, летописец дореволюционной Сибири и будущий революционный вождь [2, с. 135].

Одной из основных тем подраздела «Национальный округ и спецколонизация» является тема ссылки и спецпереселения, которой и посвящен отдельный блок в экспозиции Музея Природы и Человека. Как известно, первыми строителями Остяко-Вогульска стали жители близлежащих деревень и спецпереселенцы. На подиуме представлены плотницкие инструменты, которые спецпереселенцы использовали при строительстве города: крюк и багор для сплава леса, бур, лучковые пилы, пила-ножовка, фуганки, топор плотницкий, тесло, скобель. Рядом расположены сельскохозяйственные инструменты: мотыга, коса-стойка, коса-горбуша, грабли, ковш, лукошко «севалка». Из бытовой утвари представлена гармонь. Объектом следующего экспозиционного блока стали документы и вещи, раскрывающие условия существования спецпереселенцев: учетные карточки, ящик с богослужебными книгами, полотенце домотканое (набожник), примус, медный чайник, глиняная кринка и др.

Возможность формирования данной коллекции предметов, принадлежащих спецпереселенцам, стала реальностью благодаря героическому стремлению репрессированных сохранить то самое ценное, что было семейной реликвией, вселяло веру и помогало выжить в нечеловеческих условиях жизни безвинно осужденным, лишенным крова, а часто и семьи. Семейные иконы, фотографии из семейного архива приматывали к телу, завязывали в скудные узелки, спасая свидетельства радостной жизни до ссылки. Семейные ценности помогали существовать и выстоять, чтобы жить дальше, чтобы созидать [1, с. 21].

Оценивая в целом источниковую базу по спецпереселенцам в фондах Музея Природы и Человека, можно сделать вывод о разнообразии, информативности, репрезентативности материала, требующего дальнейшего накопления и изучения. Документы, вещественные экспонаты, фото-, аудио-, видеозаписи, музейные издания являются ценными историческими источниками, позволяющими реконструировать процесс формирования исторического знания об одном из сложнейших периодов в жизни русского народа в XX столетии.

Использованные источники:

1. Гришина, О. В. Проблемы комплектования фондовых коллекций по истории политической ссылки в Югре (1930–1940 гг.) / О. В. Гришина // Первая Югорская полевая музейная биеннале : науч.-практ. конф. «Роль полевых исслед. в сохранении ист. и культур. наследия Югры» : материалы докл. и сообщений / Департамент культуры и искусства Ханты-Манс. авт. окр. – Югры, Учреждение Ханты-Манс. авт. окр. – Югры «Музей Природы и Человека» ; [отв. ред. С. В. Лазарева]. – Омск : Дантэя, 2006. – 160 с.

2. Историческое время : альбом-кат. / авт.-сост.: А. Головнев [и др.]. – М. : Эпифания, 2006. – Т. 2.

3. Лазарева, С. В. Кулацкая ссылка в Остяко-Вогульском национальном округе / С. В. Лазарева, Ю. Дружинина // Наша общая горькая правда. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2004. – Гл. 1 : Тяжелый груз несуществующей вины. – С. 8–25.

4. Спецпереселенцы вспоминают... // Наша общая горькая правда. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2004. – Гл. 1 : Тяжелый груз несуществующей вины. – С. 59–92.

5. Музей: вехи жизни : ист.-краевед. сб. / ред.-сост. С. В. Лазарева. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2007. – 396 с.

6. Научный архив МПиЧ. Оп. 1. 1997–2002 гг. Д. 195.

7. Научный архив МПиЧ. Оп. 1. 2003 г. Д. 142.

8. Научный архив МПиЧ. Оп. 1. 2004 г. Д. 160.

9. Научный архив МПиЧ. Оп. 1. 2005 г. Д. 208.

10. Научный архив МПиЧ. Оп. 1. 2006 г. Д. 264.

11. Наша общая горькая правда : ист.-краевед. сб. / ред.-сост. Л. В. Цареградская. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2004. – 352 с.

Страницы истории окружной библиотеки в воспоминаниях ее сотрудников

Мадьярова Мария Николаевна

1930-е гг.

В начале 1930 г. в нашей стране сформировались определенные предпосылки для организации государственных общедоступных библиотек. В октябре 1929 г. Коммунистическая партия приняла специальное постановление «Об улучшении библиотечной работы». Исходя из сформулированной задачи о необходимости «всемерного расширения сети библиотек», основное внимание в документе отводилось открытию библиотек в рабочих центрах, совхозах и колхозах, на всех других участках, где решалась судьба построения социалистического общества.

В 1929–1931 гг. состоялся «Библиотечный поход», мероприятия которого по современным меркам можно назвать крупномасштабной PR-акцией. Создавался специальный фонд «Книгу – колхозам», начался сбор книг у населения. Но при этом сеть общедоступных библиотек в 1932 г. уменьшилась по сравнению с 1930 г. более чем на 26%. Определенное движение в развитии библиотечной сети произошло в связи с новым административно-территориальным делением страны. 10 декабря 1930 г., как известно, в РСФСР были организованы национальные округа, в их числе и Остяко-Вогульский.

До того момента, когда 5 августа 1934 г. при Остяко-Вогульском туземном доме открылась окружная библиотека (Ханты-Манчи Шоп. 1934. 12 авг.), было принято Постановление ЦИК СССР «О библиотечном деле в Союзе ССР» (1934), которым органы власти и органы образования обязывались устанавливать «твердые сметы» библиотек, своевременно отпускать средства на закупку новой литературы. Теперь понятно, почему в информации об открытии окружной библиотеки сообщалось, что *«библиотека пополнена художественной литературой. К 1 сентября ожидается новая партия книг на сумму 13 тысяч рублей и в октябре на 10 тысяч рублей»*. Видимо, это был своего рода публичный отчет о выполнении вышеназванного постановления.

Большое общественное значение имела 1-я Всесоюзная библиотечная перепись, проведенная в 1934 г. По мнению аналитиков, *«перепись наглядно выявила начавшиеся сдвиги в библиотечном обслуживании населения... имеющиеся достижения и недостатки»* [1, с. 63]. Мы же благодаря этой переписи располагаем сведениями о том, что в Самаровском районе были зарегистрированы четыре библиотеки, среди них – окружная, можем назвать имена первых ее сотрудников. Перепись выявила, что в общедоступных библиотеках работало в среднем 1,5 библиотекаря на 1 библиотеку. В окружной в это время работало 3 библиотекаря, информацию о них можно найти в «Карточке на лицо, ведущее библиотечную работу», датированной 1 октября 1934 г. [4, с. 12]. Первая заведующая – Мария Рейнгольдовна Сирсон – латышка 33 лет с неоконченным зубоврачебным образованием. Муж ее, А. Я. Сирсон, был первым секретарем Остяко-Вогульского окружкома КПСС в 1933–1935 гг. Выводы, сделанные в результате проведения переписи, – квалификация библиотечных работников не отвечала требованиям, более 60% не имело специальной подготовки. В нашем случае все трое сотрудников библиотеки не имели специального образования. Первым профессионалом, окончившим библиотечные курсы в г. Омске, была Ольга Петровна Хамзарова, которая поступила на работу в окружную библиотеку в 1935 г. Из ее воспоминаний узнаем подробности об условиях, в которых начинала работать библиотека: *«за вешалкой был абонемент, в коридоре выделено местечко для читального зала».*

В 1930-е гг. *«сложился особый, принципиально иной тип общедоступной библиотеки, получивший со временем название «массовая библиотека»* [3, с. 270, 271]. Этот тип, считает Б. Ф. Володин, сформировался тогда, когда в стране сложилось тоталитарное общество, т.е. в 1930-е гг. Советское государство рассматривало библиотеку как один из важнейших социальных институтов, выполняющий не только характерные для любой общедоступной библиотеки образовательные и просветительские функции, но и определенные идеологические. Более того, автор вычленяет из обязанностей библиотеки, созданной по единому образцу, наличие унифицированного фонда, жесткое выполнение требований к обслуживанию читателей, которые включали в себя необходимость давать читателям указания и руководить их чтением.

Среди задач, которые решали библиотеки в 1930 гг.:

- охват населения книгой;

- выход за стены библиотеки в производственные и учебные коллективы;

- работа в помощь политическому и общему самообразованию;

- производственная и естественно-научная пропаганда и т.д.

В эти годы для пропаганды использовались самые разнообразные формы и методы: громкие чтения, беседы о прочитанном, читательские конференции, библиотечные плакаты, книжные выставки, составлялись картотеки, планы чтения и др.

Всем этим пришлось заниматься и вновь созданной окружной библиотеке. Библиотека завоевывала авторитет, *«было много сосланных, эвакуированных, спецпереселенцев – люди грамотные, образованные, культурные. Все тянулись к библиотеке. Раньше ведь все читали. Открывались учебные заведения, строился город»* [2, с. 56]. В это время в Остяко-Вогульске были открыты учебные заведения: трехгодичный педагогический техникум, советско-партийная школа II ступени, национальное отделение Тобольского рыбтехникума, национальный медицинский техникум. Начали работать электростанция, горпромкомбинат, лесопильный и кирпичный заводы, рыбоконсервный комбинат.

Из постановления президиума Остяко-Вогульского исполнительного комитета Советов РК и КП от 13 ноября 1935 г.: *«...Просить облисполком об утверждении строительства здания окружной библиотеки в Остяко-Вогульске по титульному списку округа на 1936 год»* [4, с. 13].

Очевидно, что облисполком не решил положительно просьбу о строительстве здания для библиотеки, тем не менее вопрос с размещением библиотеки был решен следующим образом: в 1936 г. библиотека переехала на ул. Комсомольскую в здание краеведческого музея. Как выяснилось из воспоминаний О. П. Хамзаровой, слово «переезд» здесь не совсем уместно, т.к. библиотекари *«на себе пешком перенесли всю библиотеку»*. Таким же способом переместили библиотеку в центр города на ул. К. Маркса, 5 в 1960 г. [2, с. 56].

«Это был старый барак с узким длинным коридором, одну половину занимал музей, вторую – 2 комнатки – детская и окружная библиотеки с маленьким читальным залом мест на десять; абонемент

и методический кабинет находились в одной комнате с заведующим. Библиотека работала с 12 часов дня до 10 часов вечера» [4, с. 28].

1940-е гг.

О работе библиотеки во время Великой Отечественной войны сохранилось мало сведений. Располагаем только воспоминаниями О. П. Хамзаровой: *«В годы войны в библиотеке работала я одна (видимо, имелось в виду, что Ольга Петровна одна занималась обслуживанием читателей, т.к. по имеющимся у нас сведениям библиотекой с 1942 по 1946 гг. заведовала Мария Васильевна Сорокина-Савенко, значит, сотрудников было как минимум уже двое. – М. М.). Ходила в дома фронтовиков, организовывала передвижки, проводила беседы, читки. По ночам еще приходилось рыбу ловить, а днем – в библиотеке».*

С 1947 г. библиотекой заведовал П. Г. Иваницкий. По содержанию и тону документов, которые сохранились в нашем архиве, можно сделать вывод, что в военные и послевоенные годы очень остро стоял вопрос сохранности библиотечного фонда. Война нанесла серьезный урон библиотечной сети. По данным, которые приводит К. Абрамов, было полностью уничтожено 43 тысячи общедоступных библиотек, по далеко не полным данным утрачено свыше 100 миллионов книг. Не удивительно, что окружная газета «Сталинская трибуна» в номере за 2 апреля 1944 г. поместила страстный призыв заведующей библиотекой М. Савенко *«совместными усилиями работников библиотеки и руководителей учреждений уберечь книгу от порчи и хищений».* Приказ П. Иваницкого от 20/II-48 г. носил даже гриф «секретно» и предписывал *«в отдел фонда расположения книг никого не пропускать»*, запрещал *«давать любые сведения о фондах и материалах, имеющихся в библиотеке, учреждениях и отдельным лицам»* [4, с. 16]. Эти неординарные меры предпринимались в библиотеке во исполнение указа Президиума Верховного Совета СССР от 9/IV-47 г. «О сохранении государственной тайны» и директивных указаний, спущенных по иерархии из Москвы и Тюмени.

В приказе на увольнение *«библиотекаря Калашникову, как не имеющую библиотечного образования и не разбирающуюся в библиотечной технике»* встречаем предписание *«сдать продуктовую карточку на хлеб и продукты»* [4, с. 14].

О содержании работы в послевоенные годы судим по отчету о работе за 1948 г.: в среднем библиотеку посещало 60 человек в день, «по самообразованию выдавались справки, например, читатель просит разъяснить: почему наша партия называлась в 1903 году РСДРП?». А разделы отчета «Работа с отдельными видами литературы» и «МБА» хочется привести полностью: «По пятилетнему плану были организованы книжные выставки и фотомонтаж, а также составлен библиографический обзор, где указывалось, какую литературу читать по изучению пятилетнего плана.

По изучению биографий тов. Ленина и тов. Сталина читателям литература выдавалась своевременно, но у нас этой литературы за первое полугодие было недостаточно, сейчас обеспечены более нормально с ноября 1948 года.

По естественно-научной литературе работали недостаточно. Только рекомендовали читателям да организовывали литературные выставки. По художественной литературе спрос в настоящее время увеличился. МБА открыт с Тюменской областной библиотекой, но книг не брали, так как нет таких случаев на требуемую книгу, которой не смогли бы обеспечить из своего фонда» [4, с. 16, 17].

Массовая работа строго лимитировалась культпросветотделом Ханты-Мансийского окружного Совета депутатов трудящихся. Необходимо было проводить: читки – 2 раза в неделю, читательские конференции – 1 раз в год, семинары по библиотечному делу – 1 раз в год. В обязанности библиотек входила организация лекций и докладов по учреждениям и организациям, книгоношество по домам и на производственные участки, создание переплетных кружков и столов справок.

1950-е гг.

В 1950-е гг. расширилась деятельность библиотек по пропаганде книг среди населения, методическая работа. В библиотеках были открыты методические отделы или кабинеты, оказывавшие методическую помощь всем общедоступным и другим библиотекам (кроме технических). Со второй половины 1958 г. в штат окружной библиотеки введена новая единица – методист. Первым методистом была 18-летняя М. И. Герасимова, не имевшая специального образования. Первым опытом ее методической работы было составление схем би-

блиотечных плакатов и стендов на темы: «Бригады коммунистического труда», «Контрольные цифры развития народного хозяйства Ханты-Мансийского национального округа на 1959–1965 годы» [4, с. 23].

Почти одновременно пришли на работу С. К. Саитова (1947), А. С. Ушарова (1950), Л. М. Осинцева (1953), В. В. Павлова (1954). Заведовали библиотекой в это время Валентина Ивановна Евтеева (1950–1952), Пера Ефимовна Штильман (1952–1954), Сайтуна Кабировна Саитова (1954–1955), Лидия Ивановна Челмодеева (1956–1957), Лидия Ивановна Стешина (1957–1960). Как видим, за 10 лет сменилось 5 заведующих. Это были приезжие специалисты с высшим библиотечным образованием. По версии А. С. Ушаровой, многие работали 1-2 года и уезжали из-за северных суровых условий, не приживались [4, с. 28].

Четкого распределения обязанностей между сотрудниками не было. *«Одновременно с обслуживанием читателей занимались комплектованием и обработкой литературы. В библиотеке велся каталог. Был небольшой читальный зал, абонемент. Пусто в библиотеке никогда не было. Проводили беседы, обзоры, читательские конференции, последние были очень популярны в то время. И народ приходил! Тогда было увлечение шахматами, молодые люди брали литературу на эту тему. Было много заочников, активно использовали МБА, книги получали из Тюменской областной библиотеки»* [2, с. 51].

Несмотря на то, что в эти годы в стране активизировалось строительство новых библиотечных зданий, выпуск библиотечного оборудования, материально-техническая база окружной библиотеки оставались в неудовлетворительном состоянии.

В информационном отчете о работе библиотеки за 1950 г. приводятся сведения: *«Окружная библиотека помещается в деревянном здании, приспособленном из старого рабочего барака. Длина всего здания 35 погонных м, ширина 10 м, высота 2 м 80 см. Внутри здания по всей длине в середине проходит коридор шириной 175 см. Одну половину здания с 1936 г. занимает окружная библиотека, а вторую – детская библиотека и окружной музей. Площадь окружной библиотеки равна 120 кв. м, из которой 60 кв. м занимает читальный зал с абонементом, а 60 кв. м занято под книжным фондом»* [4, с. 24].

В эти годы в библиотеке происходит много нового и интересного: библиотека предлагает каждому жителю округа стать заочным читате-

лем, выслав в адрес библиотеки заполненную анкету, залог в сумме 30 рублей, а также от 3 до 5 рублей на почтовые расходы. Предлагаемые услуги: «...высылать литературу и рекомендательные списки по интересующим вопросам, а также списки новинок по разным отраслям знаний и художественной литературе» [4, с. 18].

Библиотека включилась во Всероссийский смотр-конкурс учреждений культуры, взяв на себя обязательства: добиться государственной нормы количества читателей на 1 работника, оказать методическую и практическую помощь ведомственным библиотекам города, организовать пункты выдачи и передвижки, провести вечер вопросов и ответов «Атомная энергия и ее использование в мирных целях», читательскую конференцию по книге Г. Николаевой «Битва в пути» и др.

Новым было тогда и использование такой формы обслуживания, как межбиблиотечный абонемент. Библиотека ставила перед собой задачу в 1953 г. «связать через МБА 10 библиотек, в том числе 8 районных и сельских». Таким образом, удовлетворялись запросы руководящих и научных работников, а также специалистов.

Библиотека с 1940-х гг. взимала штраф с читателей за несвоевременный возврат литературы. «*Был случай, когда с юриста Яновского взяли штраф 100 рублей, по тем временам это были большие деньги*», – вспоминает С. К. Саитова (2, 51). Основным источником дохода, предусмотренным сметой по внебюджетным средствам библиотеки на 1953 г., являлись доходы, полученные за работу лошади, а также средства, полученные за утерьянные и в качестве штрафа – за просроченные книги. Пропорционально полученным доходам планировались расходы на содержание лошади и жеребенка, вывозку сена и дров, покупку книг взамен утерьянных [4, с. 21].

В уже процитированном нами отчете П. Иваницкого о работе за 1948 г. констатируется факт: «*Литература у нас вся проверенная и вредная вся изъята*». В воспоминаниях С. К. Саитовой и Л. М. Осинцевой мы находим упоминания: «*Часто приходилось по требованию областного органа цензуры печати (облЛИТо) заклеивать и затушевывать определенные места в книгах. Книги было жалко. Стремилась сохранить издания XIX века, несмотря на то, что места было мало и книги хранить было негде*» [2, с. 51]; «*В те годы велась большая работа по очистке книжных фондов. Один за другим выходили приказы*

об изъятии «вредной» литературы» [2, с. 47]. Строго следили соответствующие органы за тем, чтобы ни книг «опальных» авторов на полках, ни карточек на них в каталогах не было. Если на момент проверки что-нибудь находилось, это было ЧП и с руководителями строго спрашивалось за подобные оплошности. Ослаб прессинг только в середине 1980 гг.

В начале 1950 гг. в стране была поставлена задача довести библиотечную книгу до каждого населенного пункта и до каждой семьи, но эта амбициозная задача осталась нереализованной. Видимо, именно поэтому возникла идея предложить жителям округа стать заочными читателями окружной библиотеки. Правда, о результатах этой акции мы так и не узнали. В библиотеках накапливалась устаревшая литература, в то же время не хватало новых книг и периодических изданий по важнейшим отраслям знаний, в которых остро нуждались читатели. В библиотеках устанавливались очереди на книги, росло число отказов читателям, не спасал положение межбиблиотечный абонемент [1, с. 111].

1960–1980-е гг.

1960-е гг. стали новым рубежом в развитии библиотечного дела округа. В эпоху нового хозяйственного освоения Севера Тюменской области библиотечная отрасль округа вступила со 150 библиотеками всех систем и ведомств, в т.ч. государственные – 69, школьные – 52, профсоюзные – 17. Библиотечные фонды составляли примерно полмиллиона томов, пользовались библиотеками более 55 тысяч читателей.

Открытие на территории округа залежей нефти, начало промышленного освоения природных ресурсов требовали изменения системы библиотечного обслуживания населения округа. Шло интенсивное развитие сети библиотек, за 15 лет, с 1961 по 1976 г., количество государственных библиотек в округе удвоилось, в 3,7 раза увеличилось число читателей. Обслуживанию ударных комсомольских строек уделялось первостепенное внимание. Со всей страны в библиотеки поступала литература, собранная в дар от населения. Велось и централизованное комплектование. Открывались первые библиотеки в городах-новостройках.

Это было время интенсивного комплектования. Сотрудникам окружной библиотеки нужно было изучать состояние фондов в библиотеках округа, профиль производства и в соответствии с этим формировать фонды. Книги поступали в адрес окружной библиотеки по ее заказам, а потом отправлялись в округ по почте или библиотеки вывозили их сами. Таким образом удалось сформировать ядро фонда производственной тематики. Очень четко была поставлена задача: привести книжные фонды библиотек округа в соответствие с производственными нуждами обслуживаемых территорий.

Для строителей газо- и нефтепроводов формировались подборки книг, которые на вертолетах спецрейсами доставлялись в вагончики, где жили трассовики. В эти годы повсеместно в вахтовых поселках организовывались передвижные библиотеки.

Новый этап библиотечного строительства в СССР был ознаменован постановлением ЦК КПСС «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе» (1974). Сущность его заключалась в том, чтобы в течение 1974–1980 гг. провести централизацию государственных общедоступных библиотек путем создания на базе городских и районных библиотек централизованных библиотечных систем. Централизации подлежали и ведомственные библиотеки, происходил процесс создания межведомственных централизованных систем, создавались межведомственные библиотечные комиссии.

Эксперимент по централизации сети библиотек был организован в 1966 г. в Липецке, Нижнем Тагиле и Шахтах. 10 января 1971 г. был издан приказ окружного отдела культуры «О проведении эксперимента по централизации массовых библиотек в г. Ханты-Мансийске». В первые годы эксперимента директор окружной библиотеки Н. В. Лангенбах много выступала в профессиональной печати (окружная и областные газеты), публично осмысливая результаты переходного периода. И они были: развивалась структура библиотеки, повысились показатели, расширился состав книжных фондов, налаживалась информационная работа, более рационально использовались кадры. С 1 октября 1976 г. решением исполкома окружного Совета депутатов трудящихся государственные массовые городские библиотеки и окружная детская объединились в централизованную библиотечную систему на базе

окружной библиотеки. Для этого предписывалось объединить сметы окружных и городских массовых библиотек.

Это был достаточно оригинальный подход к централизации, система обслуживала городское население, центральной библиотекой в городской ЦБС была окружная библиотека, к тому же окружная детская стала филиалом городской ЦБС. Но библиотека довольно успешно выполняла методические функции, активно занималась подготовкой к централизации массовых библиотек округа, формировала фонды библиотек округа, занималась подготовкой и организацией работы межведомственных библиотечных комиссий в территориях, была школой передового опыта по централизации для библиотек области.

В 1976–1980 гг. в округе было создано 11 централизованных библиотечных систем. Нефтеюганская ЦБС была базой всесоюзного эксперимента по созданию территориального библиотечного объединения (ТБО). В его рамках было организовано социалистическое соревнование среди всех библиотек региона. На базе центральной библиотеки проходили семинары библиотекарей всех систем и ведомств. Совместными усилиями создавался Сводный каталог периодических изданий, получаемых всеми библиотеками, Сводный каталог новых поступлений технической литературы. Положительный опыт территориального библиотечного объединения поднял авторитет Нефтеюганской ЦБС среди российских библиотек [2, с. 35]. В г. Сургуте, Нижневартовске, Нефтеюганске были созданы ЦБС, объединявшие городские и сельские библиотеки, которые просуществовали до половины 1990 гг., затем были реорганизованы и разделены на городские и районные ЦБС.

Библиотекари в эти годы внедрялись в производство, осваивали технологию, знакомились со спецификой предприятий, должны были знать все: какое напряжение в электрических сетях, сколько работает специалистов с высшим образованием, какое оборудование на буровой.

И как результат насыщенной, интересной, незнакомой до сих пор работы: *«объединение ранее самостоятельно существовавших библиотек в единую систему с общим фондом, штатом работников, централизованным комплектованием и обработкой произведений печати, с единым административным и методическим руководством в основном дало положительные результаты»* [1, с. 117].

Использованные источники:

1. Абрамов, К. И. История библиотечного дела в России. В 2 ч. Ч. 2 / К. И. Абрамов. – М. : Либеря, 2001. – 160 с.

2. Библиотека как судьба : сб. воспоминаний ветеранов библиотечной отрасли Югры / сост. М. Н. Мадьярова. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2009. – 60 с.

3. Володин, Б. Ф. Всемирная история библиотек / Б. Ф. Володин. – СПб. : Профессия, 2002. – 351 с.

4. Жизнь моя – библиотека : воспоминания, документы, очерки / Гос. центр. окр. б-ка ; сост.: Э. Сургутскова, О. Егорова. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2002. – 162 с.

Семейный фонд Бардаковых Леонида Степановича и Зои Ивановны (участников создания нефтяных городов округа)

Шульгина Ольга Андреевна

Красивое название – СЕМЕЙНЫЙ ФОНД. Что-то очень теплое.

К счастью, впечатления от названия не отличаются от реальности – семейный фонд действительно представляет собой семейную организацию, семейную копилку, которой могут пользоваться как члены семьи, так и музей.

Начало формирования семейного фонда Бардаковых в музее было положено 7 июля 2003 г. Предметы предоставила младшая дочь Бардакова Надежда Леонидовна.

Сохранившиеся семейные реликвии – знак глубокого уважения и любви к родителям, понимания значимости их трудовых подвигов, свойственных этой семье. Дети сохранили для нас важные страницы истории. Переданные предметы являются свидетельством стойкости, духовной культуры, способности сохранять человеческое достоинство в любых обстоятельствах.

В фондах музея хранится 354 музейных предмета. Это документы (грамоты, адреса, дипломы, мандаты, удостоверения, приглашения, письма, телеграммы, пропуска, приказы, членские билеты, открытки, благодарности), книги, брошюры, буклеты, журналы, фотографии, газеты, вырезки из газет, 162 любительских фотографии, охватывающие период жизни семьи Бардаковых с 1950-х по 2000-й г. Среди них – виды г. Урая (Дом Советов, больница, гастроном, аэропорт), пос. Кондинское 1950-х гг. (Дом культуры, библиотека, районный магазин, музыкальная школа), фотографии трудовых будней г. Сургута. На оборотах фотографий сделаны бесценные для исследователя надписи, по которым можно судить о характерах людей далеких 50-х годов, полных любви, энергии и идей.

При изучении документов прослеживаются основные моменты трудовой деятельности Леонида Степановича и его жены Зои Ивановны.

Бардаков Леонид Степанович родился 20 августа 1924 г. в с. Донки Куртамьшского района Курганской области. Начал трудовую деятель-

ность с 1940 г. в колхозе «Интернационал» Челябинской области, где проработал до мобилизации в 1942 г. в Красную Армию. Был демобилизован по ранению в 1943 г., работал в колхозе учетчиком, затем – счетоводом пищекомбината. С 1944 по 1947 гг. обучался в Курганском сельскохозяйственном техникуме на факультете землеустройства. С 1962 по 1969 г. – на заочном отделении Тюменского педагогического института историко-филологического факультета. С 1946 г. являлся членом КПСС. Избирался вторым секретарем Глядянского районного комитета ВЛКСМ Курганской области, затем – пропагандистом в Глядянском районном комитете КПСС. В 1957 г. окончил Курганскую партийную школу и работал секретарем парткома Сафокулевского зерносовхоза Курганской области.

В 1959 г. переехал в Тюменскую область и был направлен обкомом КПСС на работу в Кондинский РК КПСС инструктором. Вскоре в районе развернулись геологический поиск и освоение месторождений нефти.

17-летняя девушка Зоя Менщикова начала трудовую деятельность курьером рыбозавода, счетоводом консервной фабрики в Сургуте. В 1948 г. началась ее политическая деятельность: она избрана секретарем Сургутского РК ВЛКСМ. В 1966 г. З. И. Менщикова была избрана заместителем секретаря парткома КПСС Шаимских нефтепромыслов, затем – вторым секретарем Урайского горкома КПСС.

Неутомимый, энергичный, внимательный партийный работник, Зоя Ивановна много сделала для становления и развития г. Урая и Шаимского нефтяного района.

Документы семейного фонда находятся в стадии научного исследования. Предстоит установление биографических данных Зои Ивановны и Леонида Степановича Бардаковых. Надеемся, что фонд будет пополняться, а материалы его активно использоваться в экспозициях и выставках музея, лекциях и экскурсиях.

Периодика как источник исторической информации (из опыта отдела краеведческой литературы и библиографии Государственной библиотеки Югры)

Пуртова Татьяна Владимировна

За время существования отдела краеведческой литературы и библиографии в Государственной библиотеке осуществлен ряд издательских проектов и многие из них – в творческом союзе с В. К. Белобородовым, журналистом, заслуженным деятелем культуры Ханты-Мансийского автономного округа.

В конце 2008 г. в издательстве «Полиграфист» вышла книга «Авторы публикаций об Югре в западносибирской и уральской периодике. 1857–1960 гг.: материалы к биобиблиографическому словарю». Этот словарь представляет собой дополнение к ранее изданным указателям.

Первый из них – «Обь-Иртышский Север в западносибирской и уральской периодике. 1857–1944 гг.», второй – «Обь-Иртышский Север в западносибирской периодике. 1945–1960 гг.». Составители указателей ставили перед собой задачу рассмотреть периодику как источник исторической информации за достаточно большой период, с момента появления периодической печати в Тобольской губернии. Первый указатель охватывает время от появления «Тобольских губернских ведомостей» до момента, когда Ханты-Мансийский национальный округ вошел в состав Тюменской области, второй является продолжением первого и заканчивается временем начала нефтяного освоения Севера.

Наш указатель – это первая в деятельности библиотек России попытка собрать и систематизировать статьи, опубликованные в периодической печати более чем за столетний период. Уникальность его еще и в том, что практически вся информация получена путем непосредственной работы с источниками. Поэтому когда мы приступали к осуществлению проекта, то не могли точно оценить ни ее объема, ни сроков выполнения, а ушло на весь проект более 13 лет!

В Ханты-Мансийске на момент начала работы из всех изданий, которые предстояло расписать, имелась только окружная газета (в разные годы она называлась – «Ханты-Манси Шоп», «Сталинская трибуна», «Ленинская правда») в Государственном архиве Ханты-Мансийского автономного округа. И поэтому пришлось много работать в библиотеках других городов России, где сохранились газеты, издававшиеся в нашем крае. Колоссальный труд потребовался, чтобы собрать информацию, но не менее сложно было ее систематизировать. Помощь в этом нам оказали сотрудники отдела краеведческой библиографии Российской национальной библиотеки. Они же дали высокую оценку нашему труду в одном из профессиональных сборников: *«Со всеми поставленными задачами составители справились. Работа получилась вполне представительная и достойная...»*. Положительную оценку указателю дал также корифей-библиограф, доктор педагогических наук И. Г. Моргенштерн.

Работая над указателями, составители исходили из убеждения, что периодика несомненно поможет в изучении местной истории и предлагаемая информация будет востребована, прежде всего молодыми людьми, поможет им исследовать исторический опыт с пользой для себя. И указатели действительно востребованы. Интерес к периодике в последние годы возрос, студенты, учащиеся, исследователи все чаще обращаются к старым газетам. Следы использования указателей и периодики можно встретить в публикациях и выступлениях в печати, студенты пишут курсовые и дипломные работы, используя периодику.

Оба указателя снабжены вступительными статьями, в которых даны характеристики всех представленных источников и анализ периодики, ее особенностей, что было отмечено специалистами. Статьи оказывают неоценимую услугу исследователям.

Затем последовал ряд издательских проектов, которые расширили интерес к указателям. Это издание пятитомника «Сибирский листок», в котором представлены статьи из тобольской газеты того же названия за 1890–1919 гг., затем издание «Тобольские губернские ведомости» – комплекс из 3-х томов. «Сибирский листок» был выпущен издательством Ю. Л. Мандрики и подготовлен им в содружестве с В. К. Белобородовым, «Тобольские губернские ведомости» подготовлены и из-

даны Ю. Л. Мандрикой. В 2008 г. в серии «Югорский репринт» издан сборник некоторых трудов из «Ежегодников Тобольского губернского музея», в который включен и указатель содержания всех 29 выпусков Ежегодника, а в 2009 г. Государственной библиотекой Югры запланировано осуществление еще одного проекта – полное электронное издание «Ежегодника Тобольского губернского музея». Если бы это удалось, можно было бы сказать, что основные периодические источники XIX – начала XX вв. доступны любому исследователю.

Как уже отмечено, нужных периодических изданий в Государственной библиотеке Югры на тот момент, когда мы начали работать над указателями, не было. Чтобы ликвидировать лакуны фонда, дать возможность получить источники, о которых читатели узнали из указателей «Обь-Иртышский Север в периодике...», был разработан проект, получены средства по программе «Культура Югры» и начато микрофильмирование окружной и районных газет округа. На сегодня мы имеем микрофильмированные копии всех газет, которые выходили в округе до 1960 г. И исследователь теперь может найти нужную ему информацию и даже распечатать ее. Такую услугу своим пользователям предоставляет отдел краеведческой литературы и библиографии.

В процессе работы над указателями мы поняли, что фамилии авторов статей в периодической печати в большинстве своем мало кому известны. Тогда возникла идея подготовить и издать словарь «Авторы публикаций об Югре в западносибирской и уральской периодике. 1857–1960 годы». И опять мы столкнулись с некоторыми препятствиями: отсутствием информации, затруднениями при работе в архивах. В результате сведения, представленные в издании, неполные, вот почему мы рассматриваем свой труд не как словарь, а как материалы к словарю.

Чтобы информация была максимально достоверной, в первую очередь использовались архивные фонды, в которых хранятся личные дела. Наиболее полно сведения об интересующих нас авторах сохранились в Государственном архиве социальной и политической истории Тюменской области. Ценными сведениями располагает Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа. Работали мы и в Сургутском городском, Березовском и Ханты-Мансийском районных архивах. Информацию также черпали из книг, местной периодики,

фондов краеведческих музеев. Во многих случаях обращались к родственникам, сослуживцам, старожилам тех или иных мест.

Всего в словаре представлено более 700 имен.

Мы надеемся, что наша работа принесет пользу исследователям. Хотелось бы еще обратиться с просьбой к тем, кто будет листать, читать словарь и кто располагает информацией о людях, не представленной составителями, сообщать о ней в окружную библиотеку, как это уже сделала Лидия Михайловна Завьялова. Со временем материалы к словарю могут быть существенно дополнены, уточнены и, возможно, переизданы.

Резолюция II окружных «Лопаревских чтений»

23 апреля 2009 г. в г. Ханты-Мансийске прошли окружные краеведческие чтения, посвященные:

Хрисанфу Мефодьевичу Лопареву (1862–1918 гг.), выходцу из с. Самарово (ныне – г. Ханты-Мансийск), историку, сотруднику Публичной библиотеки г. Санкт-Петербурга (ныне – Российской Национальной библиотеки), краеведу, автору первого исследования, посвященного истории с. Самарово; выходу книги «Самаровский петербуржец: письма сибиряков к Х. М. Лопареву».

Организаторами чтений выступили Департамент культуры и искусства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Государственная библиотека Югры.

В чтениях приняли участие 57 человек – сотрудники библиотек, архивов, музеев, преподаватели и студенты учебных заведений города, краеведы Ханты-Мансийского автономного округа.

На чтениях прозвучало 20 докладов в трех тематических блоках: «Хрисанф Лопарев и село Самарово: исследования и документы»; «История Югры: лица, факты, даты»;

«Краеведческая деятельность библиотек, музеев и образовательных учреждений».

Перед участниками чтений были поставлены следующие задачи:

- выявление и введение в оборот новых документов и исторических сведений об ученом Х. М. Лопареве, его семье;
- выявление и введение в оборот новой информации по истории с. Самарово, его жителей;
- обобщение опыта современной краеведческой деятельности, библиотечного краеведения;
- анализ краеведческого книгоиздания.

По итогам чтений участники пришли к следующим выводам:

1. Чтения явились представительным форумом, отразившим опыт работы библиотек, музеев, учебных заведений и частных лиц в изучении истории региона. Успешному проведению чтений способствовало участие в ней представителей науки, культуры и образования.

2. Исследовательское краеведение способствует формированию интереса местного сообщества к истории малой родины, ярким примером является деятельность Хрисанфа Лопарева.

3. Необходимо расширить и систематизировать исследование источников информации о Х. М. Лопарева и его деятельности.

4. Необходимы дальнейшая кооперация усилий специалистов, организаций и ведомств, работающих в данном направлении, разработка совместных проектов, создание краеведческого общества.

5. Целесообразно проводить подобные чтения и в дальнейшем с целью обмена опытом и координации усилий в сфере краеведческой деятельности не реже одного раза в 2 года.

Участники чтений считают, что программа следующих краеведческих чтений должна включать больше докладов по исследованию жизни и творчества Х. М. Лопарева, истории с. Самарово.

Предлагают выступить с инициативой и обратиться в Думу города Ханты-Мансийска с просьбой рассмотреть возможность увековеченья памяти Х. М. Лопарева и создать в городе монумент в его честь.

Выражают признательность Государственной библиотеке Югры за обеспечение высокого уровня проведения чтений, организацию полезных и плодотворных встреч специалистов – представителей науки и культуры и считают, что библиотека уже является координатором в объединении усилий исследователей края.

Сведения об авторах

Белобородов Валерий Константинович – журналист, г. Ханты-Мансийск.

Берендеева Светлана Петровна – руководитель отдела Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск.

Волженина Светлана Юрьевна – начальник отдела музеев, библиотек и выставочной деятельности Департамента культуры и искусства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, г. Ханты-Мансийск.

Гололобов Евгений Ильич – кандидат исторических наук, доцент Сургутского государственного педагогического университета, г. Сургут.

Завьялова Лидия Михайловна – директор Ханты-Мансийской районной центральной библиотеки, г. Ханты-Мансийск.

Мадьярова Мария Николаевна – заместитель директора учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Государственная библиотека Югры», г. Ханты-Мансийск.

Молдавская Юлия Николаевна – заведующая отделом фондов учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Музей Природы и Человека», г. Ханты-Мансийск.

Павликова Нина Владимировна – заведующая сектором хранения Музея геологии, нефти и газа, г. Ханты-Мансийск.

Патранова Валентина Васильевна – редактор отдела социальных проблем окружной газеты «Новости Югры», г. Ханты-Мансийск.

Патрикеев Новомир Борисович – писатель, член Международного историко-литературного ЮНЕСКО-клуба любителей правильной охоты «Кречет», г. Ханты-Мансийск.

Пуртова Людмила Геннадьевна – заместитель директора МОУ СОШ № 2, г. Ханты-Мансийск

Пуртова Татьяна Владимировна – заведующая отделом краеведческой литературы и библиографии учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Государственная библиотека Югры», г. Ханты-Мансийск.

Сафонова Мария Александровна – научный сотрудник отдела фондов учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Музей Природы и Человека», г. Ханты-Мансийск.

Струсь Владимир Филиппович – руководитель телевизионной службы Ханты-Мансийского педагогического колледжа, г. Ханты-Мансийск

Сухорукова Надежда Владимировна – заведующая отделом выставочной работы учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Музей Природы и Человека», г. Ханты-Мансийск.

Чихарев Александр Васильевич – научный сотрудник Музея геологии, нефти и газа, г. Ханты-Мансийск.

Шульгина Ольга Андреевна – младший научный сотрудник Музея геологии, нефти и газа, г. Ханты-Мансийск.

СОДЕРЖАНИЕ

ХРИСАНФ ЛОПАРЕВ И СЕЛО САМАРОВО: ИССЛЕДОВАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ

Завьялова Л. М., Струсь В. Ф.

Сказ о «скаске»...: перепись населения Самаровского яма 1763 г. 4

Белобородов В. К.

Петербургское окружение Х. М. Лопарева.

Перспективы изучения 11

Патрикеев Н. Б.

Промысел водоплавающих птиц в книге

и переписке Х. М. Лопарева.....14

Патрикеев Н. Б.

П. И. Лопарев об охоте на гусей в окрестностях

Самарово в начале 20 гг. XX в. 19

Патрикеев Н. Б.

П. И. Лопарев – кооператор, охотовед, зверовод,

эколог и рабкор Тобольского Севера.....25

ИСТОРИЯ ЮГРЫ: ЛИЦА, ФАКТЫ, ДАТЫ

Сухорукова Н. В.

Особенности быта священников на севере

Тобольской епархии в конце XVIII в.....33

Чихарев А. В.

История открытия и разработки Ханты-Мансийского

нефтяного месторождения 40

Берендеева С. П.

Четверть века за полярным кругом.

Г. И. Бардин – жизнь и творчество 44

Гололобов Е. И.

Старые карты как источник по истории

Обь-Иртышского Севера в 1920 гг. 49

Сафонова М. А.

Жизненный путь членов семьи Максимовых-Скалозубовых:
по материалам фондов Музея Природы и Человека..... 53

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БИБЛИОТЕК, МУЗЕЕВ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Пуртова Л. Г.

Развитие творческих способностей учащихся в процессе
исследовательской деятельности в области краеведения 61

Волженина С. Ю.

Становление и развитие системы библиотек на территории
современного Ханты-Мансийского автономного округа – Югры..... 66

Патранова В. В.

Платон Лопарев и... нефть..... 81

Павликова Н. В.

«Сосьвапромгеология» и ее роль в комплектовании
геологической коллекции Музея геологии, нефти и газа..... 86

Молдавская Ю. Н.

История формирования источниковой
базы по спецпереселенцам в фондах
Музея Природы и Человека (2001–2006 гг.)..... 89

Мадьярова М. Н.

Страницы истории окружной библиотеки
в воспоминаниях ее сотрудников 95

Шульгина О. А.

Семейный фонд Бардаковых Леонида Степановича
и Зои Ивановны (участников создания нефтяных городов округа) 106

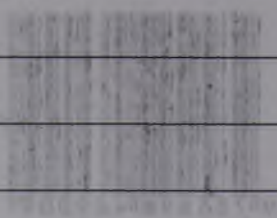
Пуртова Т. В.

Периодика как источник исторической информации
(из опыта отдела краеведческой литературы и библиографии
Государственной библиотеки Югры) 108

Резолюция II окружных «Лопаревских чтений» 112

Сведения об авторах 114

Для заметок

История России

История России

История России

История России

История России

История России

История России

9 785898 469009

Составитель
Фетисова Галина Яковлевна

**Материалы II окружных
«Лопаревских чтений»**

Выпускающий редактор Т.Ю. Усманова
Оператор вёрстки А.Г. Рибчинчук
Корректор Н.В. Захарова
Дизайнер Н.А. Переверзева

Дизайн, вёрстка и печать
выполнены ОАО «Полиграфист».

Подписано в печать 20.05.2010 г. Формат 60x84/16. Бумага ВХИ.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п.л. 6,97.
Тираж 500 экз. Заказ № 1254.

Отпечатано ОАО «Полиграфист».
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра Тюменской области
628011, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 46. Тел.: 33-49-91, 33-29-84.
E-mail: izdatel@xmprint.ru

